РОВЕСНИК

7
1975

РОВЕСНИК

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

Июль, 1975 год, № 7

На первой странице обложки: берлинский ансамбль «Октобер-клуб». Его песни обращены к тем, кого влечет романтика социалистического строительства, к тем, чьи сердца открыты чужой радости и чужому горю, а значит, прежде всего к молодым. И хотя возраст ансамбля еще «детский» — «Октобер-клубу» всего 9 лет, — зрелое мастерство его участников и сделало ансамбль таким популярным на родине, в ГДР, и за границей.

Фото «НБИ», Берлин.

«ГОВОРЯТ КОММУНИСТЫ ЕВРОПЫ»
и
другие материалы, посвященные проблеме прочного мира, безопасности и социального прогресса на этом континенте

ЛОНДОН. Национальный союз студентов Англии, насчитывающий более 600 тысяч членов, начал кампанию за увеличение расходов на образование и повышение студенческих стипендий, сокращенных в результате экономических трудностей, переживаемых страной. В Англии проходят митинги учащейся молодежи, пикетирование зданий местных департаментов по образованию, распространяются листовки и брошюры с призывами к правительству восстановить урезанные расходы на образование.

ВАРШАВА. В польской столице полным ходом идет строительство крупнейшего медицинского учреждения страны — центра детского здоровья. Центр воздвигается как памятник сотням тысяч польских детей, павших в годы второй мировой войны от рук гитлеровцев. Значительные средства в фонд центра поступают от лотереи. На стройке наряду с профессиональными строителями работают отряды харцеров не только из школ Варшавы, но и из многих других польских городов. Так, отряд учащихся механического техникума и средней профессиональной школы из Радзеева за две недели отработал на стройке центра 1300 часов.

На снимке: учащиеся из Радзеева на бетонных работах.

СТАМБУЛ. Около 20 тысяч студентов собрались на митинг перед зданием Стамбульского университета, старейшего высшего учебного заведения страны, чтобы выразить протест против непрекращающихся провокационных вылазок реакционных элементов в отношении прогрессивных учащихся.

Это самое крупное выступление студентов за последние пять лет.

ЧЕРКАССЫ. Гостеприимно встретила молодежь Черкасс отряд молодых строителей газопровода Оренбург — западная граница СССР из Германской Демократической Республики. Согласно межправительственному соглашению между странами СЭВ в сооружении трассы участвуют рабочие и специалисты из ГДР, Польши, Венгрии и Чехословакии. В целом будущая трасса протянется на 2750 километров.

За несколько месяцев до начала строительства ССНМ огласил условия индивидуального соревнования среди членов организации за право быть зачисленным в этот отряд. По итогам соревнования в отряд зачислены лучшие из лучших.

На снимке: немецкие участники первого отряда строителей газопровода в день отъезда из Берлина. Рюкзак на плечо — и в путь.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

СОФИЯ. В столице НРБ состоялась первая консультативная встреча национальных студенческих организаций Европы по вопросам образования. Кроме 15 национальных делегаций, в ее работе участвовали представители ЮНЕСКО.

БРЮССЕЛЬ. Здесь под лозунгом «Осуждаем империализм!» состоялся двухтысячный интернациональный митинг молодых рабочих, студентов и школьников. Для участия в нем в Брюссель съехались представители молодежи Чили, Португалии, Южного Вьетнама, арабского народа Палестины, Греции и Испании. Присутствовала делегация советской молодежи. Значительная часть повестки дня митинга была посвящена Чили. В своем выступлении на митинге генеральный секретарь комсомола Чили Гладис Марин заявила: «Только за январь и февраль 1975 года в Чили были арестованы 4,5 тысячи человек, многие из которых бесследно исчезли».

ЯУНДЕ. Тысячи молодых камерунцев, школьников и студентов приняли участие в работах по благоустройству и наведению чистоты в камерунских городах и селах, ремонту дорог и мостов, строительству новых школ и других объектов. Эти работы начались накануне общенационального праздника — Дня молодежи.

МАДРИД. Испанские власти усилили полицейский контроль над учебными заведениями и временно закрыли некоторые из них.

Волнения среди студенчества продолжаются одновременно с волной забастовок в промышленности, охвативших Испанию с конца осени прошлого года. Демонстрации и столкновения между студентами университета города Вальядолид и полицейскими произошли из-за поддержки студентами бастующих рабочих.

РИМ. С приближением весны, а с ней административных и региональных выборов в Италии все мощнее развертывалось движение за предоставление права голоса с 18 лет. В стране сложилась странная ситуация: практически ни один известный политический лидер не позволял себе открытых выступлений против «голосования в восемнадцать», однако законопроект о предоставлении этого права молодым надолго застрял в палате депутатов и сенате. Прибегая к проволочкам и саботажу, депутаты от правых и консервативных партий делали все возможное, чтобы сорвать принятие законопроекта. Теперь закон вступил в силу, а это значит, что к 37,5 миллиона избирателей добавится 3,5 миллиона молодых в возрасте от 18 до 21 года. Многочисленные опросы показывают, что симпатии большинства молодежи принадлежат левым, демократическим силам.

На снимке: молодые итальянцы требуют права голоса.

СЕУЛ. Под антиправительственными лозунгами здесь прошла массовая студенческая демонстрация. Студенты потребовали отмены конституции, наделяющей диктатора Южной Кореи Пак Чжон Хи неограниченными полномочиями. Демонстранты передали представителям режима резолюцию, требующую наказания лиц, виновных в бесчеловечном обращении с борцами за гражданские права.

БАГДАД. Молодежь Ирака и Египта еще раз подтвердила законность прав арабского народа Палестины и потребовала освобождения всех оккупированных Израилем арабских земель. Призыв к усилению борьбы за осуществление этих прав и требований содержится в опубликованном совместном заявлении Национального союза студентов Ирака и Всеобщего союза студентов АРЕ. Студенчество обеих стран призвало молодежь крепить фронт борьбы за достижение арабского единства и дать достойный отпор проискам реакции.

САН-ХОСЕ. Муниципальные власти во всех провинциях Коста-Рики решили поддержать проведение первого международного фестиваля народной и демократической песни «Песня для Чили» в знак солидарности с народом Чили.

Первый международный фестиваль народной и демократической песни в знак солидарности с народом Чили проводится при содействии Всемирной федерации демократической молодежи и десятков молодежных организаций Коста-Рики, включая молодежные секции наиболее влиятельных политических партий страны.

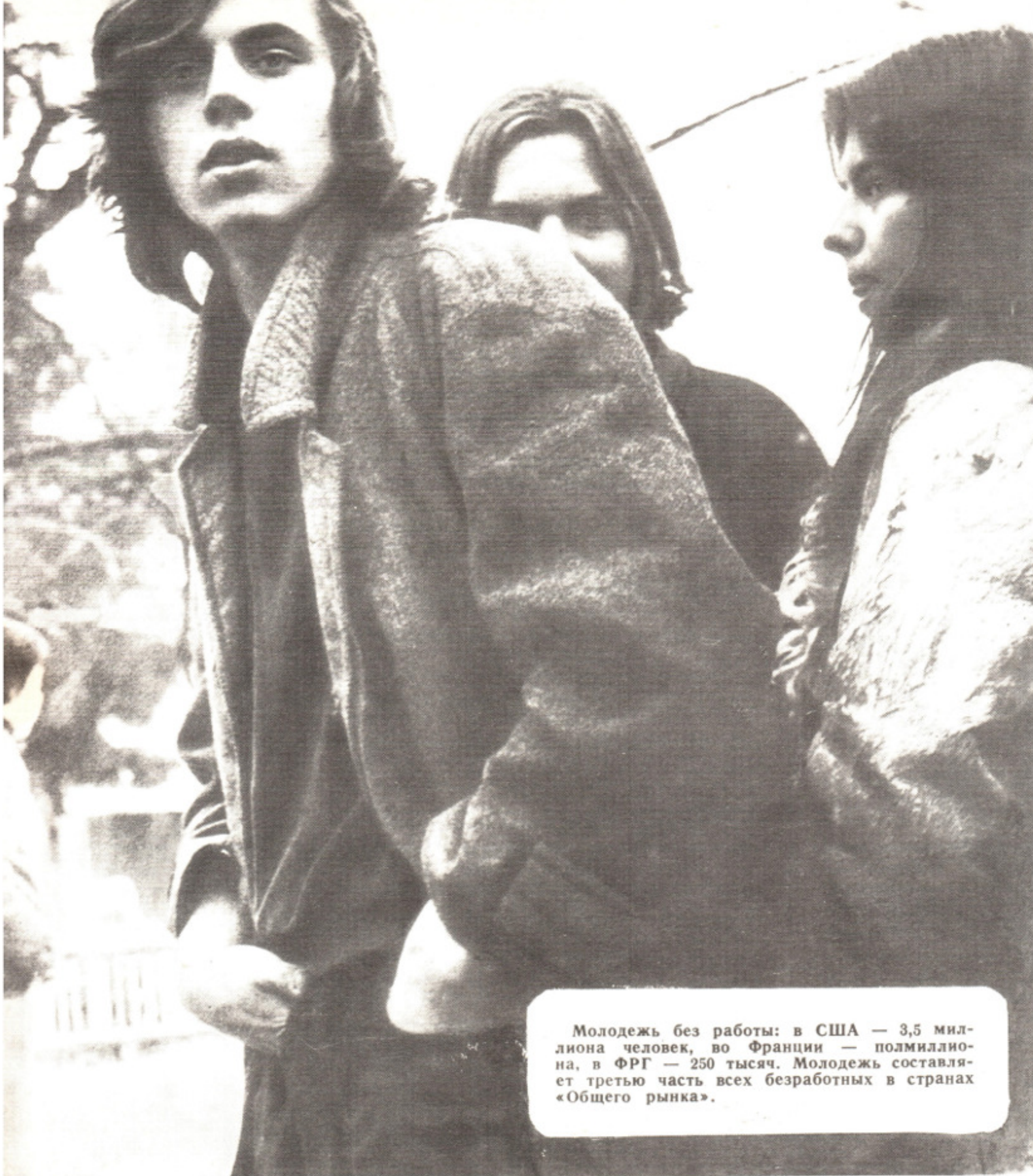
МОГАДИШО. В Сомали закончился первый этап национальной «кампании развития сельской местности» — Ололаха. С августа 1974 года по март 1975 года 25 тысяч школьников и студентов в возрасте от 14 до 18 лет обучали грамоте семьи кочевников. За первым шагом в разгар сухого сезона — время, когда кочевники собираются со всей саванны к источникам, — последует второй: перепись населения.

Так последовательно и настойчиво проводится в Сомали трудная работа по вовлечению в активную жизнь страны огромной части ее населения.

На снимке из еженедельника «Джорни»: в импровизированную школу в одном из оазисов сомалийской саванны прибыл врач.

Молодежь без работы: в США — 3,5 миллиона человек, во Франции — полмиллиона, в ФРГ — 250 тысяч. Молодежь составляет третью часть всех безработных в странах «Общего рынка».

смотрите:

В эти очереди людей свела одна беда — безработица. А безработица — это угроза остаться без денег, без еды, без дома, без надежды. Одни стали безработными давно и могут порассказать, каково это — быть человеком «без». У других опыт стояния в очередях поменьше. А третьи придут в нее завтра... Все то, что для каждого

из этой очереди за удачей давно трагедия, на языке статистики трактуется как проблема экономического спада, инфляции и все той же безработицы. В течение 1974 года в США, по данным министерств торговли и труда, сократились: валовой национальный продукт на 5 процентов, промышленное производство на 7,3, строительство жилых домов на 65,8, заработок рабочих на 8,6; в то же время возросли: число безработных на 49,7 процента, розничные цены на 12,2 процента.

Данные министерства труда США: общий уровень безработицы — 9,2 процента (8,5 миллиона человек), среди негров — 14,2 процента, среди цветной молодежи — 41,6.

«Мы пригласили миллионы иностранных рабочих, согласных на любую работу. Сегодня барометр конъюнктуры упал, и тут же иссякло наше гостеприимство» («Штерн», ФРГ). Полностью и частично безработных «собственных» граждан в ФРГ, по официальным данным, 2,14 миллиона человек.

НАША ОБЩАЯ ЗАДАЧА — ПОМОЧЬ ПОСТЕПЕННОМУ ФОРМИРОВАНИЮ НОВОЙ ЭПОХИ В ЖИЗНИ ДРЕВНЕЙ ЕВРОПЫ — ЭПОХИ РАЗУМНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВЗАИМНОГО ДОВЕРИЯ.

Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева 6 октября 1974 года на торжественном заседании в Берлине, посвященном 25-летию образования ГДР.

ТРИ ВРЕМЕНИ ЕВРОПЫ

Александр БОВИН

Прошлое прошло: было ли оно удачным или лучше бы его и вовсе не было, признаём ли мы за ним какой-то «смысл» или не признаём — все это в равной мере лишено значения. Слова эти написал «мудрец из Монтаньолы» — так называли в последние годы жизни всемирно известного швейцарского писателя Германа Гессе.

Прошлое прошло... Тезис, который невозможно оспорить. Но, пожалуй, столь же бесспорен и антитезис: прошлое не прошло. Оно в нас и вокруг нас. Мы погружены в него своими мыслями и делами. Ибо сегодняшние мысли и сегодняшние дела таковы, какими их сформировал вчерашний и позавчерашний опыт. И смысл прошлого, независимо от того, признаём мы его или нет, имеет значение. Ибо маршруты, которыми мы идем сегодня, начертаны и начаты в том самом прошлом, которое прошло.

А будущее? Можно было бы сказать: если прошлое уже прошло, то будущее еще не пришло. И тем не менее оно, как и прошлое, властно врывается в настоящее. Бум футурологии не случаен. Он отражает растущее стремление классов, партий и государств корректировать свою сегодняшнюю деятельность с точки зрения желательных (или нежелательных) перспектив, того или иного варианта «истории будущего». И хотя, если говорить об исторических «деталях», завтрашний день чреват неожиданностями, чреват ситуациями, которых никто не ждет, будущее в его основных, существенных параметрах готовится в настоящем.

Все три временны́х измерения важны для политики. Политическая деятельность, поскольку она претендует на успех, вынуждена принимать в расчет не только актуальные данности, так сказать, злобу дня, но и опираться на анализ уроков прошлого, на результаты прогностических исследований. Это в полной мере относится и к политической борьбе, которая ведется ныне вокруг судеб Европейского континента.

На протяжении столетий Европа занимала уникальное положение в мировой экономике и мировой политике. Она была центром социально-экономического и научно-технического прогресса, центром культуры. Именно здесь, в Европе, формировался мировой политический климат, решались судьбы других, неевропейских, народов и целых континентов. Именно здесь с появлением марксизма человечество впервые познало само себя, законы своей истории, сумело в прошлом и настоящем увидеть свое будущее.

Мы говорим: руководить — значит предвидеть. Но в те времена, о которых идет речь, руководить означало грабить. И Европа грабила, грабила долго и беззастенчиво. Сослагательное наклонение при разговоре о давно прошедших событиях всегда выглядит подозрительно, и все же я воспользуюсь им: если бы не колонии, каковыми для Европы, по существу, был весь мир, она вряд ли стала бы той Европой, какой мы привыкли ее видеть. Чтобы вырваться вперед, стать лидером, главным действующим лицом всемирной истории, Европа должна была обречь на внеисторическое существование десятки и сотни народов.

Тех, кто сопротивлялся, убивали. Впрочем, в свое оправдание европейцы могут сказать, что с не меньшим энтузиазмом они убивали и друг друга. В мемуарах герцога де Сюлли, французского политического деятеля времен Генриха IV, можно прочитать: «Достойно удивления, что Европа, хотя ее населяют столь цивилизованные народы, продолжает еще руководствоваться варварскими и неразумными принципами. К чему, очевидно, сводится мудрая политика, которой она похваляется, как не к постоянным раздорам? То там, то здесь вспыхивает война. Европа не признает никакого иного способа и не представляет себе никакой иной развязки... Кажется... будто мы заключаем мир только для того, чтобы иметь возможность начать войну». Эти слова были написаны в 1603 году. С тех пор более трехсот лет Европа продолжала «руководствоваться варварскими и неразумными принципами». В финале — две мировые войны...

Таково прошлое Европы, великое и преступное одновременно. Теперь европоцентризм — и как доктрина, и как реальное положение вещей — преодолен ходом событий. Разумеется, Европа продолжает оставаться одним из основных центров современной цивилизации. Но только «одним из». И лишь в единственном отношении уникальность Европы сохранилась: ни в одном районе мира, ни на одном континенте не стоят друг против друга такие количества войск и боевой техники, не сконцентрированы такие потенциалы разрушения. Словно предостережение на будущее и напоминание об уроках прошлого.

Правда, относительно пользы, извлекаемой из уроков прошлого, существовали и существуют разные мнения. Гегель, например, был довольно пессимистически настроен на этот счет и утверждал, что люди «никогда ничему» не научились из истории. «В сутолоке мировых событий, — писал он, — не помогает общий принцип или воспоминание о сходных обстоятельствах, потому что бледное воспоминание прошлого не имеет никакой силы по сравнению с жизненностью и свободой настоящего». Это соображение справедливо, но в том и только в том случае, если не видеть ничего, кроме общих принципов, если жить исключительно воспоминаниями. Реальный политический процесс, как правило, протекает по другим законам. Тем более когда политика значительной группы государств, оставаясь искусством, стала в то же время и наукой.

Нынешняя Европа — это Европа без колоний. Нынешняя Европа — это Европа, которая вот уже три десятилетия живет без войн. Но фундаментальный факт, определяющий облик нынешней Европы, доминирующий в европейской политической жизни, состоит в другом — в том, что Европа социально неоднородна. Правда, она и раньше не была однородной. Вспомним хотя бы войну, которую европейские мо-

нархи вели против революционной Франции. Но все же то были столкновения внутри одного — эксплуататорского — типа общества, ныне же на Европейском континенте взаимодействуют два принципиально различных способа организации социальной жизни. Правда и то, что это взаимодействие началось еще в 1917 году.

Однако для англичанина или француза Москва и даже Петербург всегда были какой-то почти уже не европейской Европой. Иное дело — Варшава и Берлин, Прага и Будапешт. Теперь, когда социализм прочно утвердился в центре Европы, понятия «Восток» и «Запад» Европы наполнены не столько географическим, сколько социально-политическим содержанием.

Два мира — значит, два мировоззрения, два способа воспринимать и оценивать происходящее, два подхода к урокам прошлого, проблемам настоящего и задачам будущего. Конечно, эта полярность не абсолютна. История оставляет довольно широкий простор для сотрудничества социалистических и капиталистических государств, для их общего участия в решении европейских проблем. Но прежде чем это было понято, пришлось пройти сквозь четверть века «холодной войны».

Сигнал пришел из-за океана. Но подал его европеец, один из последних европейцев имперского типа — Уинстон Черчилль. 5 марта 1946 года в американском городе Фултоне британский экс-премьер произнес свою знаменитую речь, призвав к объединению международной реакции в борьбе против сил демократии и социализма. С точки зрения европейских дел, это означало призыв к консолидации капиталистической Европы, жесткому противопоставлению двух частей континента, призыв к тому, чтобы Западная Европа шла в фарватере политики США.

Начинается период американской гегемонии в Западной Европе.

12 марта 1947 года провозглашается «доктрина Трумэна», сделавшая поддержку реакционных режимов в Европе (и не только в Европе) официальной составной частью внешнеполитической стратегии США. 5 июня 1947 года генерал Джордж Маршалл, бывший тогда государственным секретарем США, провозгласил готовность США «помочь европейскому миру стать на путь восстановления». Экономику связал с политикой тогдашний министр национальной обороны США Форрестол. «Я уверен, — заявил он, — что Маршалл предполагает потребовать от европейских наций в компенсацию за американскую помощь предоставления военных баз для американских вооруженных сил. Я надеюсь, что моему министерству будет поручена координация вооруженных сил шестнадцати стран, охваченных планом Маршалла».

Реализация проамериканской модели Западной Европы шла довольно быстрыми темпами. 4 апреля 1949 года в Вашингтоне был подписан Североатлантический договор, втянувший почти все западноевропейские государства в орбиту агрессивной, антисоветской политики. На следующий день — 5 апреля — газета «Уолл-стрит джорнэл» назвала договор «триумфом законов джунглей над международным сотрудничеством в мировом масштабе». Сторонники Североатлантического договора, развивала свой тезис газета, «может быть, будут возражать против определения его как закона джунглей. Однако глубокий анализ показывает, что покров цивилизации, которым он окутан, тонок. Он делает военную мощь решающим фактором в международных отношениях».

Вот так. Вначале были джунгли... Было нежелание признать социалистические государства неотъемлемой принадлежностью европейского политического ландшафта. Было стремление под лозунгом «атлантической» солидарности собрать в кулак силы империалистического мира и «отбросить» социализм. Сделать это, естественно, не удалось. Но удалось отравить политическую атмосферу в Европе, удалось воздвигнуть искусственные барьеры на пути общеевропейского сотрудничества, удалось превратить Западную Европу в европейский филиал Соединенных Штатов Америки. Не случайно Джон Фостер Даллес назвал США «самым могущественным европейским правительством»...

Европейские социалистические страны не могли оставаться пассивными наблюдателями углубляющегося раскола Европы — раскола, чреватого угрозой новой мировой войны. Уже в конце 40-х и в первой половине 50-х годов социалистические государства, учитывая горькие уроки прошлого и стремясь видеть Европу обновленной, процветающей, живущей в мире с самой собой, выдвигают различные варианты укрепления мира на континенте. В 1954 году Советское правительство предложило созвать в Москве или Париже совещание европейских государств для обсуждения проекта Общеевропейского договора. Запад отклонил эту инициативу. Между тем милитаризация Западной Европы продолжалась. 23 октября 1954 года были подписаны Парижские соглашения, согласно которым в нарушение духа и буквы Потсдамских соглашений ФРГ была объявлена членом НАТО.

Социалистические государства вынуждены были принимать меры самозащиты. 14 мая 1955 года они подписывают Варшавский Договор, в преамбуле которого союзные страны подтвердили свое стремление «к созданию системы коллективной безопасности в Европе, основанной на участии в ней всех государств, независимо от их общественного и государственного строя».

В то время голос социализма, голос разума не был услышан. Запад продолжал нагнетать напряженность. Западная Европа продолжала отгораживаться от Восточной. Группировки политического характера стали дополняться замкнутыми экономическими союзами. 25 марта 1957 года был подписан Римский договор, положивший начало Европейскому экономическому сообществу. В общем, в 60-е годы Европа вступила в обстановке «холодной войны», разобщенная и настороженная. Ее прошлое было слишком пугающим, чтобы кто-либо хотел его воскресить. Ее нынешнее никого не устраивало. Ее будущее было по меньшей мере неопределенным. Оно готовилось, оно формировалось в борьбе двух тенденций. Одна из них вела в перспективе к «атлантизированной» Европе с еще более жесткой фиксацией блоковой структуры, перманентной лихорадкой военных приготовлений, к своего рода институализации кризисов и конфликтов. Другая же — к превращению Европы в континент мира и сотрудничества.

Первая тенденция, неразрывно связанная с доминирующим влиянием США на западе Европы, опиралась на два основания. Субъективно ее питали страхи перед «советской угрозой». Объективно она уходила корнями в послевоенную экономическую и политическую слабость Западной Европы. Но шло время, и оба эти основания становились все более зыбкими. Строго говоря, «советская угроза» всегда существовала лишь в качестве мифа. И по мере того как события развеивали этот миф, западноевропейские политические деятели стали различать на востоке континента не только потенциальных противников, но и потенциальных партнеров. Примерно в том же направлении действовала и стабилизация обстановки в Западной Европе. Увеличивая экономическую мощь, постепенно обретая уверенность в себе, западноевропейские лидеры все менее терпимо относились к назойливой опеке из-за океана, все яснее понимали, что налаживание отношений с востоком континента существенно укрепит их позиции в «трансатлантическом диалоге».

Первую крупную брешь в атлантических догматах «холодной войны» пробил де Голль. Европа, подчиненная внешнему контролю, сказал он 23 сентября 1963 года, была бы Европой «без души, без хребта и без корней». Конечно, генерал действовал не бескорыстно. Добиваясь ослабления политического влияния США в Западной Европе, он хотел заменить его франко-западногерманским союзом, где, по понятным причинам, Франция играла бы первую скрипку. Выдвигая лозунг «Европа до Урала», де Голль рассчитывал на внутреннее перерождение социалистических государств и постепенное ослабление советского влияния на востоке Европы. Однако, каковы бы ни были намерения де Голля, объективно его политика способствовала появлению в Европе новых настроений и новых реальностей.

Новые настроения стали появляться и за океаном. Показательно в этом плане выступление известного американского дипломата и историка Джорджа Кеннана на международном симпозиуме по проблемам мира и международного сотрудничества. Симпозиум состоялся в феврале 1965 года в Нью-Йорке.

Европейская политика западной коалиции, сказал Кеннан, характеризуется следующими моментами:

«1. Мнением, что СССР всерьез намерен атаковать или, по крайней мере, запугать своими превосходящими вооруженными силами западную половину континента с целью утвердить свое доминирующее влияние над народами, населяющими ее, и их правительствами.

2. Мнением, что только западная политика обороны, основанная в значительной мере на ядерном оружии и включающая в качестве основного компонента военную мощь широко перевооруженной Западной Германии, сможет удержать Советское правительство от попытки осуществить это намерение.

3. Настоятельным стремлением к объединению Германии с помощью процедур, которые, по-видимому, предусматривают односторонний уход Советских Вооруженных Сил из Восточной Германии, но постоянное военное присутствие Запада в будущей объединенной Германии, а также установление широкой ассоциации объединенной Германии с Атлантическим пактом.

4. Культивированием, если не во всем, то в ряде случаев, разных идей «малой Европы» в форме попыток организовать европейское сообщество для мирных целей в рамках только западной половины континента с помощью институтов, тесно связанных с западным военным союзом и тем самым опирающихся на Соединенные Штаты и задуманных таким образом, что в случае, если они будут полностью созданы, они будут скорее мешать преодолению раскола этого континента, чем облегчать этот процесс».

Кеннан констатировал, что эта изобилующая внутренними противоречиями политика ничего не дала, и поставил вопрос о необходимости ее перестройки. В частности, о необходимости коренного пересмотра оценок советских намерений в Европе. «История показывает, — заключил Кеннан, — что наказание за чрезмерный цинизм, проявленный при оценке мотивов других людей, может порой быть не меньшим, чем наказание за наивность. А в данном случае наказание может оказаться

еще более сильным. Ведь приписывая противнику только самые ужасные мотивы, мы лишаем себя всякой надежды; в этом случае возможно лишь дальнейшее усиление взаимной напряженности и бесконечное распространение ядерного оружия».

То, что Кеннан как ученый формулировал четко и ясно, политики воспринимали, во-первых, с опозданием, а во-вторых, с гораздо меньшей степенью ясности. Но все-таки воспринимали. Поворот в сторону реализма, происходивший в политическом мышлении западного мира под влиянием сдвигов в расстановке мировых и европейских сил, был усилен и закреплен конструктивными импульсами, исходящими с Востока. В 1966 году страны социализма начинают новый этап борьбы за мирное будущее Европы. В Бухаресте совещание Политического консультативного комитета Варшавского Договора принимает Декларацию об укреплении мира и безопасности в Европе. В 1969 году будапештское совещание ПКК уточняет и конкретизирует план продвижения Европы к рубежам мирного сотрудничества.

Идея укрепления безопасности в континентальных масштабах подкреплялась решением ряда крупных проблем, оставшихся в наследство от второй мировой войны. Отказ ФРГ от политики реванша, закрепленный в договорах с Советским Союзом, Польшей и Чехословакией, Договор об основах отношений между ГДР и ФРГ, комплекс соглашений по Западному Берлину расплели наиболее тугой узел европейских противоречий. Ушло в прошлое то, что мешало идти вперед. Началось Общеевропейское совещание, второй этап которого ныне приближается к своему финалу. Начались переговоры о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе.

Нынешнюю Европу можно назвать Европой переговоров. Никогда еще они не были столь интенсивными. Никогда еще в повестке дня не стояли столь значимые вопросы. В ходе этих переговоров, в активной политической деятельности за их пределами идет строительство новой, не атлантической, а европейской Европы. Такая Европа не снимет, разумеется, противоположность капитализма и социализма. Но она положит в основу безопасности не равновесие страха, а равновесие интересов, равновесие благоразумия. Она соединит растущие и выгодные для всех взаимосвязи с полным уважением национальной самобытности, независимости каждого европейского государства и Европы в целом. Она заменит блоковую структуру развитой системой многосторонних гарантий и обязательств.

Таковы конечные цели. Некоторым они могут показаться иллюзорными, утопическими. Но не так ли давно квалифицировались как утопические надежды на решение германских проблем или, скажем, на достижение договоренности между СССР и США в области стратегических вооружений? Жизнь учит не только скепсису. Она учит надеяться. Конечно, впереди достаточно трудностей. От совещания никто не ждет чудес. Предстоит упорная и длительная борьба — борьба с политическим консерватизмом, подозрительностью и недоверием, с косностью мышления.

Надежды и тревоги Европы — лишь фрагмент мировой политики, надежд и тревог всего мира. Вот почему самое непосредственное отношение к настоящему и будущему Европы имеет нормализация советско-американских отношений. Казалось бы, зависимость здесь однозначна: чем лучше будут отношения между СССР и США, тем легче будет реализовать идею Европы мира и добрососедства. Но для политического рассудка, изощренного десятилетиями «холодной войны», такая логика представляется слишком уж логичной. Некоторые публицисты и политики — иногда, по-видимому, искренне, а иногда, возможно, и нет — тревожатся по поводу того, что советско-американское сближение может ущемить интересы западноевропейских государств, привести к господству «двух сверхдержав» и т. д. и т. п.

Прежде чем высказаться по поводу того, насколько оправданы и оправданы ли вообще эти тревоги, хотелось бы обратить внимание на различный характер, неодинаковые причины беспокойства относительно возможных последствий дальнейшего прогресса в отношениях между США и СССР. С одной стороны, беспокоятся союзники США; их тревожит, что ослабнет интерес Вашингтона к взятым на себя обязательствам и будет свернут «атомный зонт», который (вот она, инерция «холодной войны»!) прикрывает этих самых союзников от угрозы «советской агрессии». С другой стороны, беспокоятся некоторые государства, преимущественно средние и малые, которые гипнотизируют себя видениями советско-американской гегемонии, низводящей другие страны до уровня послушных исполнителей воли «атомных гигантов».

Что касается первого аспекта проблемы, то ответить можно было бы чисто формально: отношения союзников США со своим патроном — их, так сказать, внутреннее дело. Характер этих отношений определяется не в Москве. И что там происходит внутри организации Североатлантического договора, в этом уж предстоит разобраться самим членам НАТО. Тут надо апеллировать не к Москве, а к Вашингтону.

Если же рассуждать не формально, то отношения внутри западных союзов, конечно же, интересуют нашу страну. Но не в плане «козней» и «интриг», направленных на развал этих союзов, а в плане открытой, принципиальной борьбы с их агрессивной, антисоветской направленностью. Советский Союз был и остается решительным противником любых агрессивных союзов, блоков, договоров. Он был и остается сторонником нормальных, добрососедских отношений между любыми государствами, будь то США и Франция, Франция и ФРГ и т. д. и т. п., если, повторяю, эти отношения строятся не в ущерб другим государствам. Такова ясная позиция Советского Союза, не зависящая от состояния его отношений с Соединенными Штатами. И поэтому какое бы то ни было беспокойство относительно «коварных» намерений Советского Союза, его планов «поглощения» Западной Европы лишено всяких оснований. Таких намерений и планов, разумеется, не было и нет.

Другой, более, так сказать, общий аспект проблемы уходит своими корнями во времена разного рода «пентархий» и «гекзархий», когда «концерт» великих держав действительно правил миром, навязывая свою волю другим государствам. Нельзя, по-видимому, сбросить со счетов и естественное недоверие многих стран к политике США, которая отнюдь не отличалась особым тактом и которую было трудно заподозрить в стремлении уважать права и интересы других государств. А отсюда вывод: если две «сверхдержавы» договариваются между собой, значит, игнорируя права других, они сговариваются ни много ни мало как о «разделе мира».

Однако такая логика не имеет ничего общего ни с логикой развития международных отношений, ни с логикой и принципами внешнеполитической деятельности СССР. Внешняя политика СССР последовательно исходит из того, что на мировой арене действуют суверенные, независимые государства, каждое из которых независимо от его размеров обладает равным с другими комплексом прав, самостоятельно определяет свою внешнеполитическую линию и на равных основаниях со всеми другими участвует в международной жизни. Сама идея «державности», то есть гегемонизма, исключительности, органически чужда принципам социалистической внешней политики. Как чужда им и идея деления мира на «зоны влияния». Концепция мирного сосуществования, которую вот уже более полувека отстаивает наша страна и которая доказала свою жизненность, эффективность, как раз и предполагает всеобщее признание и уважение прав и интересов каждого государства. Поскольку, разумеется, эти интересы вписываются в общепризнанные нормы международной жизни.

Сложнее обстоит дело с политикой США. Внешнеполитический курс этой страны является результатом борьбы, столкновения интересов различных групп внутри правящего класса — монополистической буржуазии. Среди этих групп, несомненно, есть и такие, которые, потеряв надежду получить весь мир, все же пытаются гарантировать за Соединенными Штатами право беспрепятственно распоряжаться хотя бы в части мира. Однако эфемерность подобных попыток становится, видимо, все более очевидной для тех, кто ныне формулирует политику США.

Советский Союз никогда не мог согласиться и никогда не согласится стать участником каких-либо сделок, ущемляющих законные интересы других государств. Поэтому нет никаких оснований беспокоиться на этот счет. И если уж следует о чем-то беспокоиться, то, по-моему, о том, чтобы позитивное изменение советско-американских отношений стало необратимым. В силу объективного стечения обстоятельств мирное будущее Европы жестко связано с этим процессом.

Теперь можно подвести итоги. Прошлое Европы еще не прошло. Оно живет и в политическом консерватизме, и в появляющихся вновь и вновь ссылках на «угрозу» с Востока, и в попытках превратить Западную Европу в замкнутую, если не военно-политическую, то экономическую и политическую группировку. И будущее Европы еще не наступило. Оно существует как проект, как политическая воля и политические устремления миллионов европейцев, как те перемены, которые начинаются сегодня, но принадлежат завтрашнему дню. Однако прошлое Европы уже проходит, а будущее уже наступает. Идет процесс становления. «Малую Европу, — пишет известный французский социолог М. Дюверже, — начинает сменять большая Европа, антисоветскую Европу — открытая Европа, наднациональную Европу — Европа отечеств, Европу, подчиненную американцам, — независимая Европа». Деятельность людей, наша и наших современников, связывает воедино все три времени Европы. Надо помнить о прошлом, чтобы не повторить трагических ошибок в будущем.

ГОВОРЯТ КОММУНИСТЫ ЕВРОПЫ

Работа в пользу мира — для коммунистов она всегда в центре внимания. Ведь социализм и мир неразделимы, и борьба за социальный прогресс, которую неустанно ведут социалистические страны, коммунистические и рабочие партии, тем успешнее, чем прочнее мир, безопасность народов, международное сотрудничество. Рассказать читателям «Ровесника» о вкладе марксистско-ленинских партий в мирное переустройство Европы и поделиться своим личным опытом участия в этой работе редакция попросила коммунистов-ветеранов, людей, прошедших трудную школу жизни, вынесших испытания и войнами, и тюрьмами, но оставшихся верными благородной цели — делать все ради того, чтобы ни одно будущее поколение не познало ужасов и несчастий войны.

ЯНИНА ИГНАСЯК-МИНЬКОВСКАЯ, ВЕТЕРАН РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ ПОЛЬШИ:

Нынешняя молодежь Польши изучает историю революционных выступлений пролетариата по учебникам. А для меня это юность, первые шаги к истине. Я и родилась, как говорила мама, «со страху», под свист нагаек и пуль во время восстания лодзинских рабочих в 1905 году. Нам, ветеранам, часто приходится выступать, больше всего перед молодежью. И мы считаем своим партийным долгом напомнить юным гражданам о том, как еще в годы нашей молодости коммунисты и комсомольцы не щадили сил в борьбе за мирное будущее нынешних поколений. Ведь уже тогда коммунистические и рабочие партии были главной силой, противостоявшей военным приготовлениям в Европе. А это было и трудно и рискованно. Даже добираться до места встречи нам приходилось нелегально, окольными путями. Мне, например, довелось участвовать в первом Всемирном антивоенном конгрессе в Амстердаме в 1932 году. В Германии нас сопровождали немецкие товарищи, через границу вели голландские. Выступавшие на конгрессе призвали рабочих всех стран сплотить ряды во имя защиты мира и своих справедливых интересов. Мне тоже было предоставлено слово. Уже тогда участники конгресса предостерегали человечество об опасности фашизма и войны, об угрозе нападения на Советский Союз.

Вскоре после этого товарищи поручили мне выступить в польском сейме, где я представляла коммунистическую фракцию. Это было настоящее боевое крещение. Обсуждался закон о новом наборе рекрутов. Мы, коммунисты, решительно отвергли его как еще одно свидетельство подготовки к войне, нацеленной прежде всего против Страны Советов, как еще один акт насилия над рабочим классом и крестьянством. Меня прерывали на каждом слове, кругом раздавались крики: «Агентка Москвы! Сколько тебе заплатили? Комсомолка!»

Силы были тогда слишком неравные. Пришло время, когда мы, депутаты-коммунисты, оказались под угрозой ареста, и товарищи переправили нас в Советский Союз.

Немало борцов-коммунистов отдали свои жизни за мирное будущее народов Европы и всего человечества. И сама память о них взывает к молодому поколению всеми силами укреплять их дело.

Атмосфера доверия, широких контактов в области экономики, науки, культуры, совместного пользования общей сокровищницей знаний, накопленных человечеством, — разве все это не прекрасные перспективы дальнейшего совершенствования человеческой личности и особенно нынешнего и грядущих молодых поколений. Ради этой идеи стоит жить и бороться!

В. С. ЕМЕЛЬЯНОВ (СССР), ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА, ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ АКАДЕМИИ НАУК:

Переживаемое нами время фундаментальных научных открытий и феноменально быстрой их реализации настойчиво и убедительно требует координации усилий практически во всех областях деятельности человеческого общества. Вот почему необходимость международного сотрудничества особенно отчетливо проявляется именно в области науки и техники. Многие научные проблемы настолько грандиозны, что не укладываются в национальные границы даже тех государств, которые обладают большими научными и экономическими потенциалами и огромными территориями. Это проблемы и голода, и энергетического кризиса, и загрязнения окружающей среды. Проведение важных экспериментов и особенно таких, которые имеют глобальное значение, очень часто требует больших затрат, а сам эксперимент только тогда позволит сделать объективные выводы, когда он охватит большую территорию и будет протекать в различных условиях, которые невозможно создать искусственно.

Надо учитывать и то, что в одних странах получили значительное развитие одни области науки, в других — другие. Только коллективная мудрость людей в состоянии учесть особенности каждой страны и чаяния всех народов, определить разумные пути дальнейшего развития в мире вообще и на Европейском континенте, в частности. Ничто не должно мешать движению на путях сотрудничества. Ведь ясно же, что в тревожной, неуверенной обстановке мысль любого человека, тем более ученого, занятого сложными проблемами современного мира, отвлекается от творческого поиска, пламень творчества тускнеет. Творческая активность требует мира, сотрудничества и доверия.

Можно ли плодотворно сотрудничать, если партнеры, снедаемые подозрительностью и недоверием, все время оглядываются и прислушиваются? Развитие науки и техники достигло в наши дни такого уровня, когда слова «невозможно», «нельзя» исчезают из обихода не только людей науки, но и работников промышленности, перед нами открываются радужные перспективы нового мира — мира блистающей красоты и гармоничного развития. Но чтобы построить это будущее, надо навсегда исключить возможность возникновения войн, освободить человеческое общество от бремени военных расходов, чтобы оно могло посвятить все свои таланты и творческую мощь созидательной работе.

РЕНАТО ГУТТУЗО (ИТАЛИЯ), ХУДОЖНИК, ЛАУРЕАТ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ «ЗА УКРЕПЛЕНИЕ МИРА МЕЖДУ НАРОДАМИ»:

Сейчас в жизни Европы наступила новая эпоха — разумных отношений и взаимного доверия между людьми. Ей предшествовал процесс изменения в стереотипах мышления людей.

Можно смело утверждать, что в сознании итальянцев произошли радикальные изменения. Окрепла вера в способность простых людей разных стран совместными усилиями предотвратить войну, нанести поражение реакционным правым силам, стремящимся разжигать напряженность, вражду между народами и государствами. Подавляющее большинство итальянцев с симпатией смотрит на СССР и социалистические страны, видит в них друзей, с которыми нет причин враждовать. Этому способствуют успехи Страны Советов в области экономического развития, ее сенсационные достижения в науке и технике, стабильный прогресс в повышении уровня жизни, в развитии культуры и искусства. Интерес и доброжелательное отношение к СССР растут не только среди рабочих и крестьян Италии. Эти чувства все шире распространяются среди интеллигенции, средних слоев населения — служащих, ремесленников, торговцев. Большая заслуга в этом искренних старых друзей советского народа — итальянских коммунистов и членов общества дружбы «Италия — СССР».

Мы, коммунисты, видим свою постоянную задачу в том, чтобы активно пропагандировать идеалы мира и социализма среди всех слоев населения, чтобы привлекать на свою сторону всех, кому дороги эти высокие идеалы.

Вместе с тем в Италии есть силы, которые противятся распространению прогрессивных идей, — клерикальные круги, монополисты, боящиеся потерять свои богатства и власть, старые и новые последователи фашистской идеологии. Пытаясь остановить общий процесс демократического преобразования страны,

на стр. 12 ▶

Прочный мир, свобода народов — немеркнущий идеал, который вдохновлял героев борьбы против фашизма и который вдохновляет нас. Сделаем же все, что-

НАШЕ

В год, когда мы отмечаем 30-й юбилей Дня Победы, воспоминания о прошлом, сравнения с настоящим естественны. Для людей старшего поколения, переживших эту треть века, они неизбежны. Для тех, кто еще молод, они необходимы. Живущие должны знать, за что шла та война, самая тяжелая и кровопролитная из всех в истории человечества, и за что идет борьба сейчас. Между тем и другим есть прямая связь. И ее нельзя терять, нельзя даже на время упускать из виду, если мы хотим быть верны памяти тех, кто погиб, сражаясь с фашизмом.

В начале нынешней весны, юбилейной весны освобождения, гамбургская «Вельт», по-своему развертывая кампанию по поводу 30-летия окончания войны, настаивала: «...победа во второй мировой войне, триумф над фашизмом... были лишь одной из многих исторических дат». «Конечно, — нехотя добавляла «Вельт», — многое из того времени и по сей день сохраняет свою действенность; но, в сущности, спустя 30 лет ни одного человека, ни один на-

В первых рядах борцов за мир и социальный прогресс — коммунисты. На снимках: слева — манифестация западногерманских коммунистов в поддержку экономических требований трудящихся; вверху — коммунисты Италии вышли на антифашистскую демонстрацию.

ДЕЛО ПРАВОЕ

Владимир ОСИПОВ

род и ни одно государство нельзя отождествлять с прошлым».

Поясню: «Вельт» — одна из нескольких дюжин газет, которые держит на коротком поводке Аксель Шпрингер, западногерманский «кайзер прессы», тот самый, что финансировал и финансирует многие крайние правые, и прежде всего реваншистские, организации. У примитивной с виду, доморощенной философии «Вельт» тройное дно. «Дата одна из многих» — значит, сравнима с десятком прочих, значит, всего лишь эпизод, и не более того. Пятьдесят с лишним миллионов человеческих жизней унес этот «эпизод», но коль скоро, по шпрингеровской «Вельт», никого нельзя отождествлять с прошлым, «попытка увековечить победу 1945 года является поэтому нереалистической...». Вот так! Не имеет все это прошлое никакого отношения к сегодняшнему дню, а следовательно, и вспоминать его нечего. Не надо-де вспоминать, что именно гитлеровский фашизм ввергл человечество (в том числе и сам немецкий народ) в самую опустошительную из войн. Не надо отождествлять с этим «прошлым фашизмом» тех, кто и по сей день исповедует его человеконенавистнические взгляды и лелеет идеи реванша. Не надо вспоминать, что именно советский народ и Советская Армия сыграли решающую роль в уничтожении гитлеровского рейха и в освобождении народов Европы (в том числе и немецкого) от «коричневой чумы», что из всех политических партий Европы, боровшихся с фашизмом, именно коммунисты принесли на алтарь Победы самые большие жертвы.

Вы спросите, наверное: как можно забыть все это? На что рассчитывает Аксель Шпрингер?

Не знаю, дорогой читатель, не знаю: кого может убедить эта убогая и вместе с тем кощунственная философия. Знаю, однако, что не первый год держит Аксель Шпрингер свою газетную свору, не первый год предлагает он публике свои взгляды и ведь не прогорел еще. Значит, спрос есть. Значит, кто-то читает, годы подряд. Значит, «прошлое» стало уже для кого-то лишь «эпизодом, одним из многих», или колонками цифр, быть может, и страшных, но всего лишь цифр, за которыми не угадываются уже ни человеческие трагедии, ни политические краски «эпизода»: была, мол, война... в результате войны европейские границы изменились... Германия потеряла...

И куда-то в смутную, «прошлую» даль уводят шпрингеры вопросы: «Ради чего было все это?» и «Что такое фашизм?», — и, конечно, ответы на них. И не обольщайтесь, будто бы известно все это всем без особых напоминаний. Некогда знаменитая Твигги, манекенщица-подросток, метеором взлетевшая в клан идолов западной молодежи, поражала не только своими огромными глазами, но и невежеством. Однажды во время интервью с корреспондентом журнала «Сатердей ивнинг пост» в ответ на вопрос, что она знает о Гитлере, о Франко, Твигги только шлепнула своими ресницами «в три наката». А шел ей семнадцатый год. И росла она в Британии, где есть город Ковентри, сожженный бомбардировщиками геринговского люфтваффе, и памятник этой трагедии — остов собора св. Михаила; и еще лондонцы, пережившие ужас налетов летающих бомб «фау-1», и «фау-2».

...Мальчишкой в начале войны я видел фашистов. Родители эвакуировали меня к деду в деревню, под Тулу. Позже мама пыталась вывезти меня оттуда, но оказалось поздно: район был окружен. И мне пришлось там стоять однажды под дулом винтовки нациста. Он держал на прицеле то меня, то колхозного пчеловода Леонтия Антоновича Сеноженского, поднимавшегося от пруда с двумя ведрами воды на коромысле. Так продолжалось, наверное, минуты две-три. Мне они показались бесконечными. Потом солдат захохотал, перекинул винтовку через плечо и пошел обирать очередную избу. Он развлекся. И ему было весело от собственной шутки.

Мне неловко даже рассказывать об этом: миллионы наших людей, да и не только наших, пережили во сто крат более страшные испытания, и длились они не минуты, а подчас долгие годы. На Пискаревском кладбище захоронены останки 600 тысяч ленинградцев, погибших за 900 дней блокады. В Бухенвальде, рядом с Веймаром, где творили Гёте, Ференц Лист, видишь печи, в ко-

торых сжигали людей, люк, куда было сброшено тело Эрнста Тельмана, вождя немецких коммунистов.

...Фашистами не рождаются. Но каким бесчеловечным должен быть режим, чтобы делать фашиста из человека. В гитлеровской Германии этот механизм был создан и отработан — всего за несколько лет — до отвратительного совершенства. В романе Леона Уриса «Армагеддон» я прочел недавно, как готовили и обучали кадетов в офицерской школе СС. В самом начале курса молодым ребятам — «счастливцам», зачисленным в школу по рекомендации гитлерюгенда, предлагали взять на воспитание по щенку немецкой овчарки. Полтора года жил кадет со своей собакой, кормил ее, спал с ней, учил командам. И спустя какое-то время не было уже для него более близкого, преданного и бескорыстного существа, чем любимый пес. А перед выпускными экзаменами каждому из кадетов приказывали явиться со своей собакой на предварительное испытание: кадет должен был задушить своего воспитанника собственными руками. Дрогнувших отчисляли. Но отсева после этих предварительных испытаний почти не было. Так, сдав экзамен на убийцу, кадеты становились офицерами СС.

К чему я все это? Разве не ушли в прошлое эти эсэсовские школы?

Да к тому, читатель, что эсэсовские школы, быть может, и ушли, но школа фашизма, условия, почва, среда для него во многих местах еще остались. Режиму каудильо Франко более сорока лет. Салазаровский застенок существовал до апреля прошлого года — 48 лет кряду, и фашистскую Португалию западные «демократии» приняли в НАТО без особой щепетильности. Генерал Пиночет и его сообщники штыками распяли народную демократию в Чили. Грецией «черные полковники» правили семь лет. И это не далекое прошлое, как не прошлое и то, что учинили лейтенант Колли и капитан Медина в южновьетнамской деревне Сонгми, где вместе с подчиненными, «выполнявшими приказ», они перебили всех до единого жителей беззащитной деревни, а потом, тоже по приказу... расположились на завтрак.

И не надо думать, будто все это лишь периферийные крайности. Осенью прошлого года в Британии, стране самых старых традиций буржуазно-парламентской демократии, министр теневого кабинета консерваторов Джеффри Риппон предложил — вполне открыто — создать «гражданскую армию» для поддержания общественного порядка в стране «при чрезвычайных обстоятельствах».

К тому времени в стране было создано несколько самостоятельных организаций крайне правого толка, и основатель одной из них — «Движение Великобритания-75» — полковник Дэвид Стерлинг приветствовал инициативу Риппона: «Я в восторге от этого плана, и мы окажем его осуществлению всемерную поддержку». Отмечу, что вот уже несколько лет в буржуазной британской прессе положение страны оценивают тезисом: страна идет вправо, а профсоюзы — влево. Вывод напрашивается как бы сам собой — приструнить эти не в меру распустившиеся профсоюзы, и весь разговор.

Добавьте к этому многолетнее уже царство террора, созданное протестантскими ультра в Ольстере. Добавьте непрекращающиеся сообщения об антидемократических заговорах в Италии, и вы увидите, что все это не пустяки, которые можно принять во внимание, а можно и отмахнуться.

Нам, разумеется, нет нужды представлять существующее положение в преувеличенно мрачных тонах. Есть ведь и определенная закономерность в том, что ни в одной из ведущих держав Запада за все эти тридцать минувших с войны лет фашизм не прошел. Он в общем и целом оставался все это время за кулисами основной политической сцены, на которой опять-таки в общем и целом в главной роли выступает буржуазная парламентская демократия. Но ни сама эта очень опытная мадам, ни ее изощренные в искусстве правления меценаты не предпринимали и не предпринимают решительных мер, чтобы выставить вон фашиствующих претендентов на главные роли. (В Англии откровенный поклонник Гитлера сэр (!) Освальд Мосли даже в годы войны жил как ни в чем не бывало.) Меценатам буржуазной демократии нужны эти фашиствующие группы и группировки. Нужны как противовес рабочему и коммунистическому движению; как резерв, как дубинка про запас на случай «чрезвычайных обстоятельств»; наконец, как своего рода жупел, пугало, которые должны оттенять «достоинства существующих демократичных порядков», — вот-де кто может захватить власть, если в стране перестанут уважать власть добропорядочных буржуазных партий.

Мы переживаем сейчас очень ответственное время, если угодно — переломный момент в истории. Европа живет без войны тридцать лет. До сих пор она знала в своей судьбе либо кровопролития, либо послевоенные периоды, которые переходили не в мир, а в очередной предвоенный период. Теперь разрядка стала фактом и фактором. Но не будем забывать: произошло это не само собой. Произошло потому, что изменилось в пользу СССР и стран социализма соотношение мировых сил (военных, экономических, политических), и в условиях ракетно-ядерного равенства у империалистических держав попросту нет иного выбора, как признать основную истину последней трети века: сейчас можно либо сосуществовать, либо не существовать вообще. Иного не дано. Это ясно, что называется, как божий день.

Ход событий подтвердил правильность и дальновидность анализа международной обстановки, данного XXIV съездом КПСС. И сейчас, когда наша страна идет навстречу очередному, XXV партийному съезду, самое время повнимательнее вглядеться в то, как и благодаря чему изменился за последние годы облик мира и, в частности, Европейского континента.

Итак, мирное сосуществование стало фактом. Но ясно должно быть и то, что мирное сосуществование не отменяет ни противоречий между социализмом и капитализмом, ни соревнования двух систем, ни классовой борьбы на международной арене; оно лишь переводит это соревнование в невоенные области. Ясно должно быть, что внеклассовой государственной политики не существует (таковой не изобрели еще и, видимо, не изобретут); а классовая политика буржуазных государств в комплексе отношений Восток — Запад всегда заключалась и заключается в том, чтобы любой поворот на мировой арене использовать к своей выгоде и в своих интересах, и, разумеется, в ущерб странам социализма.

Мы все читаем с вами и слышим ежедневно о противоречиях в мире. Их, увы, больше, чем достаточно. Но наивно было бы воспринимать их все по одному реестру. Есть, как говорится, противоречия и противоречия. Даже очень острые противоречия, скажем, между беднеющей Британией и богатеющей Западной Германией, между Соединенными Штатами и «Общим рынком», не несут в себе угрозы господствующему положению правящих классов ни одной из конкурирующих сторон. «Экономическое чудо» в Японии не ставило под сомнение социально-политический строй во Франции или Италии. Наши успехи ставят, ибо реальной практикой доказывают все большему числу людей в мире, в том числе и в ведущих государствах Запада, что деление общества на имущих владельцев и наемных рабочих — не от бога, да и не лучшая из систем; что социализм, а не капитализм, обеспечивает народу быстрое, бескризисное и гармоничное развитие его хозяйства и культуры; что страны социализма ликвидировали у себя — и в короткий исторический срок — размежевание на богатые и отсталые районы (а в царской России они были); что в социалистическом содружестве нет обездоленного «третьего мира», на эксплуатации которого десятилетиями строилось в значительной мере благополучие развитых метрополий, хотя в самом этом «третьем мире» сотни (сотни!) миллионов людей живут на грани голода (по оценке американского журнала «Ньюсуик», их больше 460 миллионов).

Привыкнув к собственным успехам, мы порой не особенно задумываемся над их абсолютным и относительным значением. А ведь это уже факт, что страны — участницы Совета Экономической Взаимопомощи стали самым динамичным индустриальным районом мира и опережают по темпам роста любую другую группу государств.

Здесь уместно, думается, напомнить слова Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева из его речи в Будапеште на XI съезде Венгерской социалистической рабочей партии: «Плоды нашего разностороннего сотрудничества особенно наглядно проявляются на фоне того глубокого экономического кризиса, который сотрясает сейчас мир капитализма. Уверенный рост экономики и благосостояния трудящихся в социалистических странах, с одной стороны, и невиданные с 30-х годов спад производства, безработица и инфляция в капиталистических государствах, с другой, — вот как выглядят сегодня «визитные карточки» двух систем».

Надо ли разъяснять, какое впечатление производит сравнение этих «визитных карточек» по ту сторону, в мире капитала, и как разнится там реакция тех, кто правит, и тех, кем правят. Надо ли гадать, почему сейчас, в условиях разрядки и постепенного налаживания экономического и научно-технического сотрудничества между Востоком и Западом, между социалистическими и капиталистическими государствами, мы сталкиваемся с более активной и изощренной, чем когда-либо, антикоммунистической и антисоветской кампанией буржуазных средств массовой информации.

Я не случайно помянул в начале этих

заметок роман Леона Уриса. Тот эпизод об офицерской школе эсэсовцев в романе — крупинка, необходимая дань антифашистским настроениям общественности и... ловкий ход, демонстрирующий читателю «непредубежденность» и «объективность» автора. Посвящен же роман так называемой «берлинской блокаде» 1948 года, точнее — началу и развитию «холодной войны». А суть романа, послание автора западной публике, сконцентрирована в названии-образе. «Армагеддон», по Библии, символическое место последней и решающей битвы между силами добра и зла, которая должна произойти в преддверии Страшного суда. Силы добра, по Л. Урису, находятся, разумеется, к западу от Эльбы; силы зла — к востоку. И решающей будет битва между «христианской» философией капитализма и коммунистической философией.

Иного распределения ролей от этого автора (кстати сказать, убежденного сиониста) ожидать и не приходилось: на ненависти к Советскому Союзу, так сказать, в литературных вариациях он в данном случае и зарабатывает. Но зарабатывает, с точки зрения правящих на Западе, честно, ибо свой смысл в его библейском образе есть: наше время и впрямь решит многое. Вы помните — «Это есть наш последний и решительный бой»?!

Там, в «коридорах власти» на Западе, превосходно понимают смысл главных исторических битв XX века и чувствуют, конечно, к чему дело идет. Хроника века не оставляет простора сомнениям: в октябре 1917-го российские большевики выиграли битву социалистической революции на шестой части территории Земли; в 40-х годах именно Советский Союз был главной силой в антигитлеровской коалиции, которая выиграла битву с фашизмом; в послевоенные годы именно Советский Союз и страны социалистического содружества выиграли своей мощью и сплоченностью битву за мирное сосуществование, не оставив его противникам иной альтернативы, кроме самоубийственной катастрофы. Что дальше?

Что дальше, видно и не футурологу: предстоит решающее соревнование двух противоположных систем, социализма и капитализма, — соревнование, за лучшую жизнь народа, за жизнь в условиях надежного мира и достатка, в условиях равенства и свободы, духовного расцвета общества в целом и каждого человека в отдельности. Но может ли выиграть это соревнование строй, основанный на эксплуатации человека человеком?

Мы убеждены, что капитализм проиграет это решающее соревнование. Он уже проигрывает его на многих важнейших направлениях. И не только на международной арене; он все чаще и чаще терпит поражения у себя дома, в своих собственных цитаделях.

Вот еще на какое обстоятельство хотел бы обратить ваше внимание, дорогой читатель: оно представляется мне важным и для нынешних времен характерным. Я имею в виду заметно изменившееся отношение западной буржуазной прессы к коммунистическим партиям, к западноевропейским — особенно.

Многие годы «объективная», «демократическая» буржуазная пресса либо не замечала «своих» коммунистов вообще, либо писала о них в тоне высокомерного презрения. Скакуну, победившему на состязаниях «Грэнд нэшнл», газеты могли отвести лучшее место на первой полосе (разумеется, с фотографией знаменитой лошадиной морды); съезду или конференции компартии — несколько строк на задворках газеты.

Но на протяжении последних месяцев я видел в американской, английской, французской и итальянской буржуазной периодике несколько обширных обзоров, посвященных коммунистическому движению и руководителям национальных компартий. Отношение к ним, по сути, конечно, все то же — открыто враждебное. Но о них пишут уже как об общественной силе, с которой, хочешь не хочешь, надо считаться. Американский «Ньюсуик» поместил прошлой осенью пространную подборку о европейских компартиях и карту-схему об «избирательном притяжении» компартий в странах «по северному периметру Средиземного моря», снабдив ее подписью: «Красный прилив в Средиземноморье».

Американский же, очень правый по своей ориентации, журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» опубликовал в конце декабря большой обзор, который начинается так: «После двух десятилетий затишья коммунисты Западной Европы вновь пришли в движение и развернули борьбу за политическую власть. Этот поворот серьезно беспокоит правительства стран атлантического союза, которые в конце 40-х годов объединились друг с другом ради защиты Западной Европы от прихода к власти именно коммунистов. В наши дни Россия не оказывает прямого военного нажима... Вместо этого путь к возвращению коммунистов на авансцену прокладывает внутренний экономический и социальный конфликт и неспособность большинства правительств этих стран принять незамедлительные меры для преодоления неожиданно возникших трудностей... Почти повсюду коммунистические партии Западной Европы «политически чисты», и коммунистов там больше не считают отверженными».

Очень многие из самых серьезных западных буржуазных газет и журналов, рассчитанных не на массовую аудиторию, а на «свой круг», которому нужна не дешевая потребительская пропаганда, а информация по существу, сочли необходимым сообщить весной 1975-го:

что в **Италии** компартия насчитывает в своих рядах 1 601 507 членов (на 135 тысяч больше, чем три года назад), что она получает обычно на национальных выборах около 30 процентов голосов, что ей принадлежит 175 из 630 мест в палате депутатов и 74 из 315 мест в сенате; что она контролирует каждый десятый муниципалитет и три из 20 региональных органов власти;

что во **Франции**, по квалифицированной оценке «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», компартия — «самая многочисленная, хорошо организованная, дисциплинированная и активная из всех французских политических организаций; число ее зарегистрированных членов вдвое превышает число членов ее ближайшего соперника — голлистской партии ЮДР, и она имеет в своих рядах больше членов, чем все другие партии, вместе взятые», что сегодня во Франции за коммунистов голосует каждый пятый избиратель, что 70 процентов членов партии — люди в возрасте до 40 лет; что вопреки многолетней пропаганде очень многие французы считают компартию демократической организацией;

что в **Британии** коммунистическая партия, насчитывая немногим больше 30 тысяч членов, пользуется «неизмеримо большим влиянием, чем может показаться, судя по числу голосов, которые она собирает на выборах».

Очевидные и серьезные успехи западноевропейских (и не только западноевропейских) коммунистов в самое последнее время заставили многих буржуазных наблюдателей задуматься: почему? Ответы, понятно, разнятся в зависимости, главным образом, от позиции самого «исследователя». Но вот как ответила на этот вопрос английская газета «Гардиан».

Отметив внушительную численность компартий Франции и Италии, она писала: «...Но потенциально еще большее значение имеет то, что у обеих партий чистые руки. Ни та, ни другая не может считаться виновной в политических ошибках или неудачах последних десятилетий. Нельзя винить итальянских коммунистов в коррупции, которая способствовала тому, что политическое положение в Италии, и без того плохое, ухудшилось еще больше. Сила французского коммунизма — непреложный факт».

«...Причиной, — продолжает «Гардиан», — является то, что коммунисты не покладая рук трудятся в местных органах власти над улучшением жизни народа».

И еще одно свидетельство хотелось бы привести здесь в качестве ответа на вопрос: «Почему?» — свидетельство «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» от 11 ноября прошлого года. Журнал пишет: «Болонья, город, насчитывающий 600 тысяч жителей, служит витриной итальянского коммунизма. Со времени окончания второй мировой войны на пост мэра там избираются только коммунисты. Даже многие некоммунисты называют Болонью одним из городов страны с наилучшим управлением. Там чистые улицы, первоклассная транспортная система, чрезвычайно эффективный управленческий аппарат, никаких признаков коррупции. Коммунисты сейчас фактически заявляют: «Мы можем помочь создать в Италии такое же управление».

Прошу простить меня, дорогой читатель, за это, быть может, чрезмерное пространное цитирование, но мне кажется, что эти выдержки тоже многое говорят о том, сколь существенно изменилась ситуация в Европе с тех пор, как 30 лет назад был разбит гитлеровский фашизм. Ну а в особом комментарии они, полагаю, не нуждаются.

Впереди перед нашей страной и партией, перед нашими друзьями и соратниками из социалистических стран, перед всеми миролюбивыми силами в Европе стоят действительно новые и большие задачи. Они будут хорошо обдуманы и будут — придет время — решены, как решались борьбой, трудом и выдержкой передовых сил нашего континента те задачи, что выдвигали послевоенные годы. И, мысленно оглядываясь сейчас на минувшие с конца войны 30 лет, в святые минуты молчания перед могилами павших в Отечественной войне, мы вправе сказать про себя: «Ваши жертвы не забыты. Дети и внуки ваши живут в мире. И так же, как вы треть века назад, мы убеждены сегодня: «Наше дело правое. Победа будет за нами!»

ГОВОРЯТ КОММУНИСТЫ ЕВРОПЫ

со стр. 7 ▼

стремление масс к миру и социализму, они прибегают к любым средствам, вплоть до организации террористических акций, приводящих к гибели людей. Я глубоко уверен, что свойственная человеку воля к миру, к справедливости поможет народам устранить все преграды на пути к достижению прочного мира и сотрудничества в Европе.

ВИЛЬГЕЛЬМ ТИЛЕ (ГДР), ЧЛЕН ПАРТИИ С 1919 ГОДА, КАВАЛЕР ОРДЕНА «ЗА ЗАСЛУГИ ПЕРЕД ОТЕЧЕСТВОМ» ТРЕХ СТЕПЕНЕЙ, МЕДАЛИ «БОРЕЦ ПРОТИВ ФАШИЗМА»:

Три десятилетия Европа живет без войн. Мое поколение помнит, как Советская Армия освобождала немецкий народ от тирании фашизма. Только с приходом Советской Армии для нас, немецких коммунистов, распахнулись ворота тюрем и концлагерей. Кончились и для меня девять долгих лет заключения. Советскому Союзу я обязан тем, что он спас меня, немца, от смерти, дал мне вторую жизнь, которую я, выполняя поручение нашей партии, посвятил созданию антифашистского демократического строя, утверждению социализма на немецкой земле, борьбе за мирную Германию, мирную Европу.

Сейчас я — ветеран партии, работаю секретарем берлинского Комитета борцов антифашистского движения Сопротивления, стараюсь помочь молодежи освоить наш опыт борьбы против капитализма и фашизма. Мы разъясняем молодежи, что тесное сотрудничество с Советским Союзом — жизненно важное дело и гарантия успешного строительства социализма в ГДР и что таким образом укрепляются позиции социализма, а следовательно, и мира в Европе. Ведь сама мощь социалистического содружества убеждает Запад в необходимости мирного сосуществования. Этой задаче мы, коммунисты, отдаем все наши силы, прекрасно понимая, что она нелегка, что надо преодолевать сопротивление наиболее агрессивных сил империализма.

Сейчас открывается перспектива довести процесс разрядки напряженности в Европе до такой стадии, когда он станет уже необратимым. Это означает, что государства с противоположным общественным строем будут мирно жить и развивать связи друг с другом, сделав основой взаимных отношений принципы мирного сосуществования: любые конфликты между ними будут разрешаться не путем применения силы, а только за столом переговоров. Поэтому я и мои товарищи желаем успешного завершения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Если все силы доброй воли будут едины, можно будет обеспечить народам Европы надежное будущее и жизнь без войн. Для меня, как человека, на протяжении полувека участвовавшего в борьбе за социализм и пережившего две опустошительные войны, это означало бы исключительно крупный личный жизненный успех.

НОРМАН ТЭНК (АНГЛИЯ), ЧЛЕН РУКОВОДСТВА СОЮЗА ТРАНСПОРТНЫХ И НЕКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ РАБОЧИХ:

Мой отец не очень интересовался политикой, я же, поняв, сколько вокруг несправедливостей, горел желанием бороться, чтобы изменить этот мир. Когда в Испании разразилась война, я состоял в лейбористской партии. Но довольно скоро я разочаровался в ее лидерах. Они, по моему убеждению, не делали всего возможного для того, чтобы помочь испанскому рабочему классу отразить агрессию фашистских сил. Я пробыл в лейбористской партии всего два года и вступил в коммунистическую. И сразу же я почувствовал, что стал членом такой партии, которая составляет неотъемлемую часть всемирного рабочего движения, которая целиком предана делу пролетариата всех стран. У английских коммунистов серьезнейший противник — один из самых изощренных капиталистических классов мира. Капиталистическая пресса в Англии ведет тонкую игру. Не случайно при всей мощи нашего профсоюзного движения, ни лейбористская партия, ни Британский конгресс тред-юнионов не имеют собственных газет. В результате большинство рабочих читают буржуазные газеты и в политическом отношении все время чувствуют себя сбитыми с толку. Пресса то и дело возрождает миф о «стремлении Советского Союза к господству над миром».

Буржуазная пресса особенно старается скрыть тот факт, что именно Советское государство с момента своего возникновения настаивает на сокращении вооружений, чтобы добиться разрядки и улучшить отношения между всеми странами. И все же правда доходит до рабочих. Они понимают, какой ущерб стране наносят расходы на вооружение, и не хотят ни НАТО, ни военных баз на своей территории. Идея роспуска НАТО и Организации Варшавского Договора и утверждения во всей Европе безопасности и сотрудничества очень популярна у наших рабочих. Но, повторяю, они не знают всей правды, классу капиталистов выгодно скрывать ее. Бывают такие моменты, когда меня охватывает отчаяние. Но я думаю о колоссальном прогрессе, свидетелем которого я был на протяжении всей моей жизни, о том, как по примеру Советского Союза к строительству социализма перешли многие другие страны, о том, что сторонникам «холодной войны» приходится все труднее; я думаю обо всем этом — и чувствую прилив бодрости и сил.

ПАУЛЬ МОДЛЕР (ФРГ), ЧЛЕН ПАРТИИ С 1932 ГОДА, БЫВШИЙ МЕХАНИК, ПЕНСИОНЕР:

Недавно я присутствовал на диспуте о проблемах разрядки напряженности, где с докладом выступил видный западногерманский общественный деятель Гуннар Маттисен. Он участник Всемирного конгресса миролюбивых сил, проводившегося в 1973 году в Москве. С фактами в руках он рассказал об усилиях Советского Союза и других социалистических стран по нормализации международных отношений, по достижению разрядки напряженности, об их инициативах на переговорах в Женеве в рамках Общеевропейского совещания.

Из зала раздался голос: «Все, что сказано в докладе, — коммунистическая пропаганда!» Молодой парень, бросивший эту фразу, стал повторять пакости, которые пишет о странах социалистического содружества шпрингеровская пресса. Сколько у нас еще таких же, как он, сбитых с толку... Они же попросту не ведают, что одним из первых законов Советской власти был именно Декрет о мире, что Ленин говорил: «Окончание войн, мир между народами, прекращение грабежей и насилий — именно наш идеал...» Лучший способ избавить их от заблуждений — это побольше информировать о жизни советских людей, что мы, коммунисты, и делаем в меру наших возможностей.

Мы призываем как можно шире развивать культурный обмен между нашими странами. Советское государство существует уже пятьдесят восьмой год и превратилось в высокоразвитую промышленную страну. Однако западногерманский обыватель знает только, что Россия — обширный край, богатый сырьем. Для них знакомство с СССР на советской выставке в Дюссельдорфе было настоящим открытием.

По мне, лучше сто лет переговоров, чем полчаса войны. И инициативное участие СССР в переговорах о безопасности и сотрудничестве в Европе — большое дело не только для Европы, но и для всего мира. Я вспоминаю, как мы в ФРГ вели борьбу за ратификацию договоров с СССР и другими социалистическими странами. Когда ратификация состоялась, мы чувствовали, что в этой победе есть и наша, западногерманских коммунистов, доля. И недаром в этой обстановке мы чувствуем, как меняется к лучшему отношение к коммунистам. Люди, особенно моего поколения, многому научились. Правые это понимают и нервничают, стараются изолировать нас, коммунистов. У них это получается все хуже. Мы же знаем: чем сильнее социалистическое содружество, чем успешнее идет процесс разрядки в Европе, тем легче нам бороться за свои марксистские идеалы. Это логика времени.

Редакция «Ровесника» признательна Телеграфному Агентству Советского Союза за организацию интервью с ветеранами-коммунистами Европы, в частности корреспондентам ТАСС Г. Казенсу (Лондон), Л. Полунину (Рим), В. Глухову (Бонн) и Н. Бабыкину (Берлин), а также корреспонденту «Комсомольской правды» в Варшаве В. Ганюшкину.

АМЕРИКАНСКОЕ В АМЕРИКЕ

И. ГОРЕЛОВ,
наш спец. корр.

Мне всегда казалось, что это такой особый вид, а может, род или класс — американские старушки-туристки. Образовался он как бы сам по себе. Все эти старушки богаты; все провели прежнюю, более молодую, жизнь в замкнутом клане семьи и «своего круга»; все успешно пережили своих много работавших, а потому много волновавшихся мужей и теперь вот кинулись в путешествия. На них обязательное яркое платье, обязательные полудрагоценные побрякушки на шее и сухих запястьях, фиолетово-пепельный или рыжеватый парик плюс полная незаинтересованность в том, что они видят. Казалось, что «за кудыкины горы» они ездят только затем, чтобы в который раз сказать себе, что в Америке все лучше и больше.

В универмаге «Маршалл-филдс», в Чикаго, мы увидели как раз такую старушку. Туристами, правда, были мы, и это нас вечером показывали в одной из программ местного телевидения, повествуя о том, как мы, оказывается, были «поражены», как у нас «глаза разбегались» и как мы сами «разбегались в поисках покупок».

Розовая старушка оказалась достойной своего племени.

«Вы ведь не американцы?» — без всяких предисловий строго спросила она. — «О нет, мадам». — «Вы приезжие?» — «О да, мадам. Из России». — «О, господи! Но ведь это ужасно!» — «...Отчего же?»

— Вы знаете, моя подруга была у вас в Москве и еще где-то, и ей ужасно, ужасно не понравилось. У вас ведь нет никакой свободы!

— Видите ли, я там живу, мадам, и...

— Нет, нет!.. Я ведь и читала про это... Нет, ни за что я не поеду к вам!

— Да, боюсь, это наша последняя встреча, мадам.

Мы спустились вниз, мы вышли из универмага и забрались в

наш шикарнейший автобус, прославленный на всю Америку тем, что вместе с шестью-семью своими собратьями, принадлежащими фирме «Макдональд», он обладал уникальными среди автобусов удобствами — цветным телевизором, туалетом, баром. Старушка, однако, никак не выходила из головы, и мы поговорили о ней с нашими гостеприимными американскими хозяевами.

«Не бери ты это в голову, — таков был примерно совет американцев, если его переложить на язык одесситов. — Такой уж она уродилась...»

Но американцы не были бы американцами, если б на прямые вопросы не давали достаточно гибких ответов: да, и эти просветленные незнанием, самоуверенные старушки входят в понятие «человека с улицы»; и такое отношение к нам, советским, весьма распространено в Америке; да, в этом, возможно, виновата и пропаганда. Хотя... Впрочем, американцы не были бы американцами, если бы не попытались перевести все в шутку, вернуть всех в прежнее, дружелюбное настроение.

— Пегги, не найдется ли для джентльменов еще пива?.. — сказал наш гостеприимный хозяин и, вздохнув, добавил с хитрой улыбкой: — Чего не сделаешь ради разрядки...

Эти слова за две недели нашей поездки стали у него присказкой. Он употреблял их с некоторой добродушной иронией и при самых разных обстоятельствах: видимо, наш хозяин просто не успел еще привыкнуть к новой ситуации. Да и в самом деле, нелегко было ему, да и другим, сменить не только язык, но и само привычное мышление, тянущее к давно устоявшимся, еще вчера всё «объясняющим» формулам. Тем более что антикоммунизм-то пока у многих американцев никуда не делся. Не только розовая старушка считает, что Советский Союз — это «ужасно», но и иные серьезные конгрессмены думают подчас приблизительно так же, нет-нет да и возвращаясь к привычному языку противостояния, диктата. (Как раз незадолго до нашего приезда конгресс США принял так называемую «поправку Джексона», ставящую развитие торговли между СССР и США в условия, для нашей страны неприемлемые, дискриминационные.) Но время идет, и реализм в мышлении вытесняет прежнюю предвзятость. Мы встречались со множеством людей, стоящих кто дальше, а кто ближе к месту, где, как говорят американцы, принимают решения. Неверно было бы говорить, что мнения о советско-американских отношениях, о путях разрядки у всех схожи; но хотя различий много, все же здравый смысл, убежденность в необходимости дальнейшей работы на пользу мира в мире преобладает. Не случайно, что столь многие ответственные деятели страны сочли нужным принять нашу делегацию журналистов молодежной печати Советского Союза, — издатели газет и журналов, мэры городов, губернаторы штатов, сенаторы, помощник государственного секретаря, наконец, президент США Дж. Форд, заявивший на встрече с нами о решимости правительства развивать отношения с Советским Союзом, углублять процесс разрядки.

Чтобы подытожить это отступление, я хотел бы привести слова сенатора-демократа от штата Кентукки Уолтера Д. Хаддлстоуна: «Я разочарован положением, в котором мы оказались, — сказал он нам. — Я и другие мои коллеги поддержали поправку Джексона, но теперь мы осознаем, что, быть может, следовали не самому мудрому пути...»

Сближение, сотрудничество стран и народов зависят не только от государственной политики, но и от того, как люди — самые обычные притом — понимают друг друга, сколь много друг о друге знают и верно судят. Нас объединяют общие проблемы — мира, взаимовыгодного сотрудничества, охраны окружающей среды и прочее, но есть и еще одна проблема — чисто человеческого любопытства, стремления узнать, кто же вы (или они) на самом деле. А потому это было стоящим занятием — попытаться понять, а что в Америке американского?

Начну с мелочей. К примеру, мы ожидали и на самом деле увидели небоскребы, скоростные трассы, огромные города и прочее, и прочее, но искренне удивились, увидев в продаже пластмассовую, хотя и привычной по детству конструкции, рогатку. Или, скажем, отчего так любезна оказалась та же фирма «Макдональд», предоставившая нам свои роскошные автобусы (в них, чтобы посмотреть, потрогать, частенько забирались и любопытствующие американцы)? Ответ был тут, правда, банален. Вечером в Чикаго, оказавшись в студии новостей телевидения, мы видели не только сюжет с магазином, но и наше краткое посещение (на автобусе «Макдональда») университета все того же «Макдональда». Тут надо добавить, что «Макдональд» выпускает особые бутерброды; бутерброды эти огромны, весьма вкусны и ежедневно поглощаются не только по всей Америке Северной, но и Америке Южной, во многих странах Европы и в Японии. Так вот, сюжет был минуты на четыре-пять, и просто, как реклама, заметил при этом наш гид-репортер, обошелся бы «Макдональду» тысяч в 500 долларов. Так что «Макдональд», предоставив нам автобусы — они, собственно, для рекламы и созданы, — сэкономил.

Все это мелочи, но мелочи американские...

Есть, конечно, вещи и более значительные, и тоже американские.

Нас принимал один из ведущих помощников государственного секретаря. Это не было интервью для печати, поэтому и фамилию его приводить неэтично. Один из вопросов касался того, насколько, по мнению государственного департамента, «средний американец» близок к идеям разрядки, насколько он разделяет идеи сотрудничества между странами и, наоборот: насколько сильны в нем, этом «среднем американце», идеи изоляционизма; иными словами, стремление уйти в решение собственных, внутренних проблем. Помощник ответил, что настроения изоляционизма действительно сейчас довольно популярны, но все же сами эти проблемы — спад в экономике, безработица, инфляция, так серьезны, что простая логика приводит к здравому выводу: собственные трудности разумнее решать как раз в рамках общемировых отношений.

И это тоже американское в Америке.

— Давай проведем эксперимент, — сказал я своему приятелю по путешествию. И мы несколько раз окликнули переводчицу.

Реакция была одинаковая, как у хорошего солдата при команде «на плечо!». Наша милая переводчица, хотя и находилась в меланхолическом настроении, едва ее окликали, обозначала широкую, радостную улыбку. Энергия, удовольствие, готовность немедля что-либо предпринять, радушие — все было в этой улыбке. Или в той, что была пять улыбок назад.

— Don't quit, — сказал мой приятель, и мы тут же вспомнили, как нам улыбались другие люди в других местах. В тех улыбках тоже было все. Мы ведь ехали по Америке, и «don't quit» — «не отпадай», то есть будь в форме, жизнерадостен и уверен в себе, будь готов к действию и будь любезен: не лезь со своими переживаниями в души других — это американское правило действовало в Америке почти без исключений.

В Денвере, столице штата Колорадо, мы попали на инаугурацию, то есть церемонию приведения к присяге нового губернатора. Надо сказать, что инаугурация — событие исключительное не только потому, что означает определенный этап в жизни штата или целой страны (в Колорадо, к примеру, происходила и партийная смена руководства — к штурвалу штата вместо республиканца приходил демократ, разумеется, со своей командой), но и потому, что в церемонии инаугурации есть чисто американский смысл. Если пробежать глазами хронологический список основных событий американской истории, то нетрудно заметить, насколько часто в них мелькают упоминания о различных речах, публичных заявлениях, декларациях. Выступления эти не только во многом определяли и определяют политическую жизнь страны, но и стали частью общественной жизни, частью коллективной психологии. Америку не представишь без таких вот манифестаций, в которых торжественность и даже помпезность смешаны с весельем, в некоторых случаях граничащим с буффонадой. Апогей торжеств — это всегда речь, построенная по всем правилам риторики, с бесчисленными заверениями в преданности американским институтам, с твердыми обещаниями успехов и призывами к сотрудничеству. Конечно, не все речи попадают в анналы (да и обещаниям по нынешним временам мало кто верит), не все из них потом высекаются на мраморных плитах, как, к примеру, это сделано в столичных мемориалах президентам Вашингтону и Линкольну. (...И опять чисто американская деталь: гид, когда мы подъезжали к мемориалам, сообщил: «Перед вами знаменитый мемориал Джорджа Вашингтона, обошедшийся...» — далее, разумеется, следовала цифра в долларах...) В общем-то, и не в одной речи дело; все от начала до конца торжество приобретает ритуальный смысл — и пушки стреляли на инаугурации, и коллективное моление было, и бойскауты выносили знамена штата, и клятву на библии произносили вступающие в должность победители. И все же американцы не были б американцами, если б не окрасили этот дорогой их сердцу ритуал весельем, отблеском хорошо поставленного шоу, представления, на котором зрители хлопают и свистят политическим деятелям, как звездам эстрады.

За час до инаугурации нас принял губернатор штата Джон Д. Вандерхуф. Мы шли к нему через залы Капитолия, в котором хлопотали с бутербродами и напитками для скорого коктейля жены победителей, мы смотрели, как меняют таблички на дверях, мы наблюдали, как в зале заседаний новые конгрессмены штата представлялись с трибуны друг другу и как они представляли своих супруг, и чувство неловкости предстоящей встречи с губернатором, которому царствовать осталось только час, все сильнее овладевало нами. Но губернатор был не только и не просто мужественным человеком, он был — мы забыли об этом — стопроцентным американцем. Ни словом, ни выражением лица не выдавал он своего всем понятного состояния, он был приветлив, бодр и эффективен. Он говорил, отвечая на наш вопрос, что желает нашим американским коллегам — журналистам штата — быть объективными и конструктивными в оценке будущей администрации, помогать всем добрым начинаниям, но уделять им этого благосклонного внимания ровно столько, сколько эта администрация заслужит, и не жалеть ее, если она — а он уверен, так и будет, — начнет делать ошибки. Он говорил нам, что дорогие — насколько он знает — советскому человеку символы — серп и молот — присутствуют и в гербе штата Колорадо, потому что Колорадо всегда гордился своим сельским хозяйством и шахтами; мало того, у Колорадо особые связи с Россией: именно выходцы из России завезли сюда в начале века сахарную свеклу и технологию ее выращивания; что до сих пор большинство населения севера штата состоит из потомков русских, немецких и шведских эмигрантов. «Правда, они пьют, бурбон и пиво, а не водку», — шуткой, по-американски, закончил он.

Не менее оптимистичен и бодр был председатель сената в конгрессе штата, составу которого оставался тот же срок — час, Фред Андерсон. Да, сказал сенатор, победившие демократы надавали массу обещаний — особенно в отношении безработицы, преступности, но только теперь они обнаруживают, что деньги-то не в их руках, большинство в конгрессе по-прежнему за нами, республиканцами. Мы ведь проиграли только губернаторство и ряд других постов. Поймите меня правильно, продолжал он, обе партии работают над проектами по оздоровлению экономики рука об руку, и наш штат более счастлив по сравнению с другими. К примеру, безработица у нас составляет 4,5 процента, тогда как по стране она равна 7,1 процента. (Замечательно, что где бы мы ни были — в Чикаго ли, Трентоне, Нью-Орлеане — нам везде сообщали о счастливом жребии соответствующего штата: везде без-

работица была ниже общенационального уровня. Между тем только в первой половине января, а мы были в США во второй, в течение только одной недели на улицу был выброшен почти миллион рабочих, а наиболее авторитетные источники определяли безработицу на уровне 8 процентов рабочей силы. Да и эта официальная цифра, по мнению многих, была занижена. Можно понять человеческое желание верить в лучшее. Тем более можно понять такое чисто американское стремление «не выпадать», не терять внешней бодрости, а уж особо перед посторонними. Как говорил Марк Твен: «Существует три вида лжи: оправданная, неоправданная и... статистика».)

Поздно вечером по пустынной чикагской улице, соблюдая, однако, лимит скорости — горючее призывают экономить круглосуточно, — мы ехали к тому месту, где когда-то были знаменитые чикагские бойни. Чуть не доехав до них, наш добровольный гид, радушный и общительный телерепортер Боб Уоллес, притормозил. «Вот этот темный двухэтажный дом, — сказал он нам, ткнув сигаретой в окно, — это гостиница... Когда-то она была штаб-квартирой Диллинджера. При нем, конечно, здесь было веселее. Да и свет был поярче...»

Мы покрутили, не вылезая из машины, головами, и Боб тронул машину. Конечно, Боб не застал Диллинджера, зато он знал — и нам сказал об этом, — что вылезать из машины не стоит. В этой ситуации, как мне кажется, много американского. Во-первых, она в своем прошлом американская: Диллинджер, самый крупный и опасный гангстер 30-х годов, официально объявленный «врагом общества № 1», позволял себе в открытую вести дела, его штаб-квартиру и тогда мог показать любой репортер, и окна отеля, где он заседал, светились, и из окон пониже этажом рвалась музыка. Теперь здесь тихо и темно — на окраинах, вернее, сразу в стороне от центра американских городов, экономят энергию; энергетический кризис — тоже американская ситуация. Американская уже в настоящем. Как и та, что из машины вылезать не стоит... Казалось бы, странно. Диллинджер-то давно застрелен, и посмертная маска его со всем арсеналом личного оружия почти сорок лет висела в кабинете шефа ФБР, официального «друга общества № 1», Эдгара Гувера, но на американских улицах не стало спокойней. Как раз наоборот, Диллинджер и его «коллеги» занимались почти исключительно банками, теперешние преступники угрожают любому прохожему, любому человеку, сидящему дома, летящему в самолете, прогуливающему собаку.

Мы едва прилетели в Вашингтон и расположились в одном из его лучших отелей «Мэйфлауэр» (в котором, кстати, как гласит местная легенда, ежедневно вплоть до своей кончины принимал ленч все тот же Гувер), как нас предупредили: советуем вам из отеля по вечерам не выходить, в крайнем случае не дальше двух-трех кварталов. Еще нам советовали иметь, если уж мы выйдем, на всякий случай долларов двадцать — двадцать пять. Американские преступники, как правило наркоманы, — народ эмоциональный, очень их расстраивает, если добычи совсем никакой нет.

Конечно, мы читали о росте преступности и прежде всего о преступности в Нью-Йорке и Вашингтоне, но — спросили мы — разве в других местах не полегче с этой напастью. Конечно, в провинции совсем иное дело, йес! — подтвердили не теряющие бодрости американцы.

Но в Денвере — разумеется, у нас не Нью-Йорк или Чикаго! — нам посоветовали быть поосторожнее, не покидать без нужды центральных кварталов. Сенатор штата Фред Андерсон проблему преступности назвал сразу за проблемами спада и безработицы. Особо тревожная деталь — 50 процентов преступлений в самом Денвере совершают люди моложе 18 лет.

Осмотрев то место, где когда-то были бойни, мы возвращались к центру другой улицей. В очередной раз Боб притормозил у одной из вилл с темными окнами. Горела лишь лампочка у подъезда, освещая длинную черную машину, стоящую у тротуара.

— Здесь живет наш мэр, Дэйли, — сообщил Боб. — Подождите-ка меня, — добавил он, вылезая. Он перешел шоссе и нагнулся к окошку темной машины.

— Это полицейские, — сообщил он, вернувшись. — Охраняют дом.

Какая это все-таки современная и американская ситуация — вспоминая о гангстере Диллинджере, вспоминать о временах, когда на улицах было безопаснее...

«Будьте реалистами: требуйте невозможного!» — лет шесть назад этот международный лозунг леваков повторяли и «новые левые» в американских университетских кампусах. С того времени те «новые» постарели и давно покинули зеленые кампусы. Стали ли они реалистами? Трудно сказать однозначно о людях, одни из которых топят свое разочарование в наркотическом забвении, другие ведут упорную и часто тщетную борьбу за мелкие реформы в образовании, охране окружающей среды, третьи стали хорошо пригнанными винтиками вчера еще поносимого ими и в хвост и в гриву истэблишмента.

На наш вопрос, каким он видит идеального молодого американца, редактор ньюаркской газеты «Стар леджер» сказал, что юноша этот прежде всего отличается тем, что хорошо образован, уважает и поддерживает власти, законы и общественные службы. Идеал получился небогатым, но молодцеватым и подтянутым.

Было время, когда истэблишмент соблазнял молодежь своими далями — «новые рубежи», «великое общество», моральное и духовное лидерство в мире. Таким полным благородства институтом молодым американцам рисовали, в частности, «Корпус мира», гуманную миссию нести свет цивилизации в голодные, неграмотные, страждущие страны Африки, Азии, Латинской Америки. И молодые поехали и действительно работали. Как оказалось вскоре, работали рука об руку с агентами ЦРУ и крупных монополий. Я встречался с одним из таких «корпсменов»: его нынешнее разочарование, уныние прямо пропорциональны прежнему энтузиазму. «Сейчас программы, подобные «Корпусу мира», не планируются», — сказали нам в государственном департаменте. И дело здесь, похоже, не только в том, что такие затеи давно дискредитировали себя в странах «третьего мира», неоднократно высылавших в 24 часа «корпсменов»-шпионов, но и в том, что истэблишмент, если что и может предложить сегодня молодому американцу, так это только лояльность, послушание, веру в обещания.

«Будьте реалистами: требуйте невозможного!» Так они, молодые, и недавно еще молодые, и делают: требуют работы. И не только. Сегодня на устах американцев снова Вьетнам. Америка еще раз задает себе тот же вопрос: чем оправдать пятьдесят пять тысяч погибших молодых жизней, сотни тысяч загубленных судеб? Бывший капитан, тридцатилетний Эдвард Майлз, потерявший во Вьетнаме обе ноги, глаз и руку, не скрывает горечи: «Сейчас мы особенно ясно видим, каким все это было фарсом».

Нью-Орлеан... Великий город! Не по размерам, не по населению — всего-то миллион жителей, 28-е место в стране. Просто потому, что, когда сгорел в нем знаменитый ресторан, похожий на парикмахерскую, на его месте снова поставили ресторан, похожий на парикмахерскую.

— Это и есть цивилизация, — сказал один из первых посетителей, открывая дверь. И может быть, был прав.

Великий город... «Вот там, за углом — Миссисипи», — сказал нам ньюорлеанец Тони Моррисон, наш радушный хозяин. И не обманул: там была коричневая и широкая река. Я много раз ее видел на карте. Она оказалась совсем другой — и мутной, и с берегами, голыми и плоскими, словом, не загадочной, а простой. Но все же великой. Она была бескрайна и потому прекрасно самоуверенна; и уж будто в насмешку — нате, порадуйте свою память! — выплеснула из-за поворота туристский, марктвеновского времени пароходик с огромным колесом: пусть пошастает.

Великий город... «Мы идем в «Презервейшн холл», — сказали нам, и мы их действительно видели и слышали — великих и до крайности простых стариков негров, вся жизнь которых — их джаз, их диксиленд и блюзы, их тихий и ненавязчивый разговор с миром.

Американский ли город Новый Орлеан? Он сам — и справедливо — считает, что он уникален, что такого смешения африканской, французской, испанской, англосаксонской культур нигде больше не сыщешь. Но он же сам, открыв свой порт всему миру, сделав ставку на то, что не жить ему без Лондона, Рио-де-Жанейро, Марселя и Одессы, утверждает, что он типично американский. И в доказательство полной лояльности всему американскому предлагает заезжим людям бесчисленные полуночные стриптизы с уставшими до жалости «звездами», и такими же бесчисленными, а потому еще более великолепными джазами...

Дело было к вечеру, но часа два солнце еще оставалось, когда на одной из улиц «французского квартала» мы увидели несколько ребят с инструментами. Они вынимали их из футляров не спеша, явно поджидая, когда пустая улица обратит на них внимание, когда выйдут из домов любопытные, когда соберутся будто магнитом притягиваемые прохожие из других улиц и переулков. И зрители собрались.

Руководитель джаз-банда положил впереди открытый футляр из-под тромбона, поставил на него табличку: «Французский джаз Маркера». Во «французском квартале» все французское.

«Достопочтенные граждане и гости Нового Орлеана!» — закричал рыжебородый руководитель.

«А также не очень почтенные и просто хорошие люди!» — пронзительно вторил ему старикан в клоунском одеянии.

«Нам, конечно, известно о запрещении городскими властями всех бродячих оркестров, а также сбора подаяний. Так что не волнуйтесь: мы играем с официальным разрешением и только для вашего удовольствия!» — кричал рыжебородый.

«Но если кто кинет нам доллар-другой, мы не будем возражать!» — добавлял старикан.

И они играли. Это была такая музыка, что все вокруг улыбалось и непонятно чему смеялось, все пели, когда эта была песня, и танцевали — на тротуаре, на балконах, в открытых окнах.

Какой-то плюгавый тип, почувствовав, что вот оно, настает безобразие, начал было снимать брюки — ведь это так смешно, и некоторые и в самом деле захихикали, но происходившее не было безобразием, оно было общей, всем на удивление чистой радостью. «Эй, парень! — крикнул рыжебородый. — Иди-ка ты на Бурбон-стрит!» Там как раз и показывают стриптизы...

А музыканты, сами веселясь, все играли. И мелочь, центы, а потом и бумажки, полетели в футляр из-под тромбона.

Вот тогда, как мне кажется, я и понял, что такое «хеппенинг», тогда я и вспомнил пожелание Тони Моррисона, с которым он отпустил нас гулять по незнакомым улицам Нового Орлеана. Это чисто американская черта — постоянно желать знакомым конкретных и ближайших благ. В буквальном, неловком переводе они звучат так: «насладись своим обедом», «получи удовольствие от фильма», «пусть у тебя будет хороший день». Ведь мало ли что может быть...

Тони тогда нам так и сказал: «Пусть у вас будет хороший день».

Вашингтон — Москва

Если будет мальчик, мы надеемся, что он станет хорошим учеником, достойным, чтобы его взяли на работу в компанию.

По оби, поясу, обхватывающему талию Кейко, одетой в кимоно, можно догадаться, что она ждет ребенка. Он еще не родился, этот ребенок, а отец, 28-летний Хидеки Акита, уже запрограммировал его «наилучшее и через двадцать лет» будущее — работать на предприятии, где сам Хидеки начал трудиться 18-летним юношей.

Хидеки — мастер на радиозаводе компании «Мацусита», которая занимает четвертое место в мире по производству электронной аппаратуры. В огромном, с авиационный ангар, цехе он следит за работой конвейера, на котором собираются транзисторные приемники. Монополия, которая действует на иностранных рынках под названиями, ничего общего не имеющими с японскими, производит все: от аппаратов для поджаривания хлеба до электроосветительного оборудования международных аэропортов, от электробытовых приборов до промышленной электроники.

Собственно, если бы Хидеки хотел просто, чтобы его сын стал инженером, он ничем бы не отличался от любого отца в Европе. Но Хидеки желает, чтобы жизнь его детей и внуков проходила не где-нибудь, а именно на предприятии, где он сам начал трудиться.

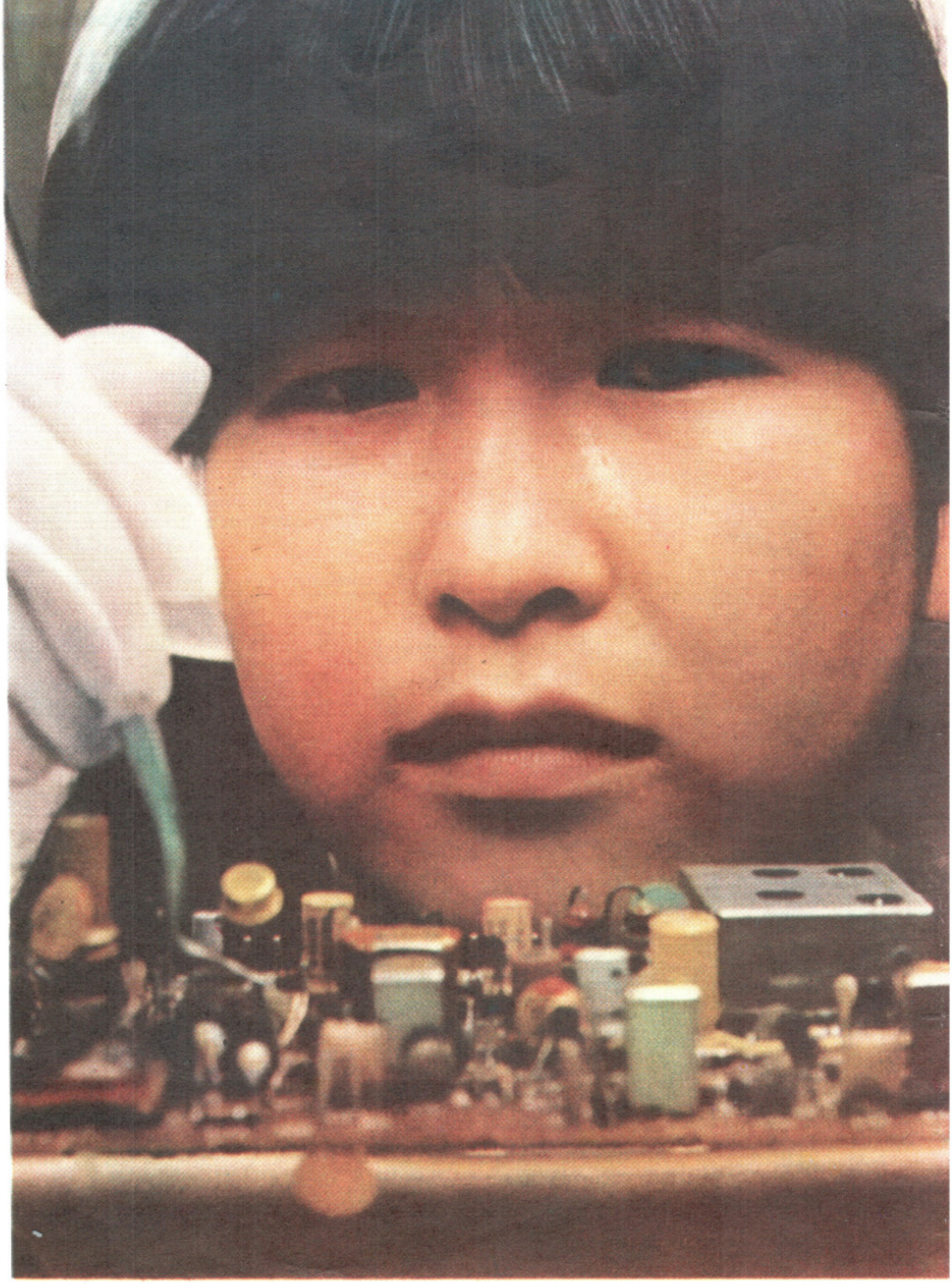
Прихлебывая зеленый чай, я слушаю будущего отца, мечтающего отдать своему заводу сына, которого еще нет на свете, и думаю о том, что сказал мне профессор Франко-японского института в Токио:

— Во Франции отцы желают своим сыновьям прежде всего удачи в избранной профессии. Продвижение по службе, личная карьера — вот главное, а верность предприятию отношения к делу не имеет. Здесь же цель номер один — попасть в одну из крупнейших фирм, которая берет на себя все заботы о профессиональной жизни новобранца — от окончания учебы до выхода на пенсию.

Для того чтобы мечта Хидеки сбылась, его сыну мало просто получить высшее образование. «Сезамом», откроющим ему двери такого промышленного гиганта, как «Мацусита», служит особенный диплом, который очень трудно получить: диплом одного из трех токийских университетов, при которых компания держит филиалы своего отдела кадров.

— Это означает, — говорит Хидеки, — что мой сын с шести лет должен учиться на «отлично», чтобы заслужить честь быть принятым по конкурсу в один из лицеев с высокой репутацией и потом иметь счастье держать вступительные экзамены в один из выбранных компанией университетов.

С Хидеки я повстречался как-то в воскресенье в Киото, в саду синтоистского храма. Он прогуливался с друзьями по заводу. Каждый щеголял значком компании в петлице. Завидев их, мой спутник, служащий банка в Осаке, поклонился. Я спросил его: «Кто это?» Ответ: «Они из «Мацусита». В Японии проставленные в удостоверении личности имя и фамилия — вещь малоинтересная. Профессия — тоже. Вес человека в обществе определяется именем работодателя. Хидеки принадлежит «семейству», состоящему из 85 тысяч человек. За это его и уважают. Говоря: «Он с такого-то предприятия», мой спутник считает, что этим сказано все. Если бы мáстера представили, как обычно:

ПОДДАННЫЕ КОМПАНИИ „СТРАНА

«Господин Акита», на него никто вообще не обратил бы внимания.

Мы познакомились, и я спросил почтенного «господина из «Мацусита», доволен ли он судьбой. С радостной улыбкой Хидеки обрушил на меня цифры производственных рекордов своего предприятия:

— За четырнадцать лет мы выпустили 15 миллионов радиоприемников. Мы поставляем триста различных моделей в 120 стран мира.

Я не удержался и сказал:

— В Европе считают Японию богатой страной, а вот живут японцы бедно.

Действительно, Страна восходящего солнца стоит на третьем месте в мире по уровню производства, но на семнадцатом — по доходу на душу населения...

Акита живут в двухкомнатной квартире в принадлежащем компании большом жилом массиве в Осаке. Семья занимает 20 квадратных метров, но квартира не кажется тесной. Большинство их соотечественников живут по четыре человека в комнате. Считается, что служащие «Мацусита» имеют наилучшие жилищные условия по сравнению с работающими на других предприятиях.

Судя по всему, Акита почитает за счастье быть одним из «Мацусита», чувство-

ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА"

Андрэ КУТЭН,
французский журналист

вать себя осененным духом «Пи-эйч-пи», ниспосланным президентом — основателем компании Коносукэ Мацуситой. «Пи-эйч-пи» — это начальные буквы лозунга, который мобилизует и вдохновляет 85 тысяч верноподданных предприятия: «Peace and Happiness through Prosperity» — «Мир и счастье через процветание» (в рекламных объявлениях и лозунгах фирма часто использует английский язык). Эти три буквы должны быть для рабочего из «Мацусита» тем же, что библия для католика.

Был последний день месяца, и мне выпало удовольствие присутствовать на церемонии, называемой «конверт». Опустившись на колени, Кейко с тысячью благодарностей подает нам третью чашку зеленого чая. Теперь очередь мужа. Он поднимается, открывает шкаф, где висит его пиджак — по возвращении домой он надевает домашнее кимоно, — и вынимает из кармана запечатанный конверт. Прежде чем сесть, он передает конверт жене. Та дважды с благодарностью кланяется до земли. В конверте зарплата. Право открыть его принадлежит жене. Этот обычай соблюдают все главы семейств. Японки совершенно отстранены от общественной жизни мужа, но зато получают от мужа все заработанные им деньги и распоряжаются семейным бюджетом.

Зарплату Хидеки получает не задаром. За ней долгие часы труда, изматывающие дни. Что еще дает фирма своим рабочим? Хорошую жену. Именно на заводе Кейко изучила чайную церемонию, получила навыки декорирования интерьера, стала петь. Своей легкой, грациозной походкой она обязана учителю по осанке, которому доверено воспитание молодых работниц.

— Когда я познакомился с Кейко в цехе, она благодаря компании уже стала девушкой-совершенством, — рассказывает Хидеки. — На работу Кейко поступила в шестнадцать лет, поскольку у родителей не было денег на продолжение ее обучения. По вечерам она посещала заводскую школу, где и завершила образование.

«Сначала — персонал, потом — производство» — такова формула президента компании. Хидеки убежден, что президент держит слово. И я понял, почему он мечтает, чтобы и его ребенок когда-нибудь стал носить в петлице значок фирмы, — этот значок сделает из него особенного человека. А пока Хидеки этого дожидается, чего же он желает для себя? Вне всякого сомнения — никогда не потерять места в компании «Страна восходящего солнца». Перед воротами фирмы постоянно толкутся претенденты. Так что угроза расстаться с производством — под напором молодых, в результате изменения технологии, в случае срыва в работе и по другим мотивам — весьма реальна. Итак, боязнь увольнения? Но Хидеки смеется, настолько этот вопрос кажется ему неуместным.

— Я никогда не слышал об увольнении из фирмы. Этого не бывает. Нужно совершить очень тяжкое преступление, чтобы быть уволенным.

Из всех преступлений, похоже, самое страшное, с точки зрения Хидеки, — заявление об уходе из «Мацусита». Сам он подписал пожизненное обязательство.

Чего может требовать от своих рабочих компания в обмен на социальные привилегии и услуги? Ведь даром ничего не дается. Это правило производства, особенно когда хотят создать империю и побить все рекорды производительности. У меня все основания думать, что мастера должны быть очень суровыми.

Уезжая из Парижа, я не был уверен, что компания даст мне разрешение посетить свой стеклянный дворец. Первые контакты с ее представителями во Франции были не очень обнадеживающими. «А соо (о, понимаю), вы хотите посетить наши заводы в Осаке, чтобы изучить нашу социальную организацию? Если это делается для того, чтобы по возвращении рассказать о патернализме, то мы не заинтересованы в этой поездке. Сумимасэн (огорчен)». До 1970 года, года Всемирной выставки ЭКСПО в Осаке, среди гигантов японской индустрии была в моде тактика «открытых дверей» для иностранных визитеров. Поначалу японские дельцы не обижались, что по отношению к ним употребляется слово «патернализм» (то есть «отцовская» опека), однако скоро они разобрались, что у этого термина явно уничижительный оттенок, и сегодня стараются как можно реже приглашать, например, французов, подозревая их в мании «видеть отрицательную сторону явлений». Но перед людьми, приехавшими в Японию без официальной миссии, охотно открывают двери в надежде, что зрелище «японского чуда» умилит их и что до них дойдет проникновенная «философия» Коносукэ Мацуситы.

7 часов 55 минут. Во дворе завода по производству стереофонической радиоаппаратуры руки Хидеки Акиты рассекают воздух в такт сотням, тысячам рук. Собравшийся перед зданием персонал поистине с военной четкостью занимается утренней гимнастикой. Инженерно-технические работники, уложив на чистую, как паркетный пол, землю тщательно сложенные пиджаки, выполняют в точности те же гимнастические упражнения, что и рабочие. Такой же «балет» происходит в эти минуты на всех заводах компании, являясь составной частью обширного общенационального «концерта». На школьных дворах, как и во дворах предприятий, слышится команда — раз, два, три — согнуться, разогнуться. В этот час Япония — нация со здоровым телом и вытянутыми руками.

8 часов 5 минут. Масахару Мацусита, сын главы фирмы, выступает перед руководителями служб, вытянувшимися перед ним по стойке «смирно», как экипаж на палубе корабля. Он предлагает инженерам фирмы поразмышлять на тему: «Благодаря работе каждого сотрудника, благодаря его пониманию единения в последние годы компания сделала значительный шаг вперед и расширила свои завоевания на мировых рынках. Если каждый и в дальнейшем будет отдавать всего себя общей работе и все больше проникаться духом «Пи-эйч-пи», то компания сможет развиваться еще более быстрыми темпами». Он предлагает вспомнить, что «благодаря экспорту «Мацусита дэнки» выступает в качестве посла процветания. Ее успехи вносят вклад в общечеловеческое благо. Нельзя никогда терять из виду, что любое упущение в работе — преступление не только против Японии, но и против всей планеты. Работать в «Мацусита» — означает служить XX веку».

Вот он каков, дирижер оркестра. Хозяин отбивает такт. Вместе со служащими он поет гимн компании:

Чтобы построить Японию новую,
Объединим наши силы и волю.
Сделаем все, чтобы
Непрерывно и безостановочно,
Подобно струям фонтана,
Шел всего мира народам
Продукт наших рук и ума.
Как прилив неистощимый,
Расти, промышленность, расти,
расти,
«Мацусита дэнки», «Мацусита
дэнки»!
Фирма, где царствуют
Согласие и искренность, —
«Мацусита дэнки»!

Прежде чем запускается этот громадный механизм, все служащие компании — от повара до высшего инженерного работника — каждое утро распевают этот гимн.

Иностранных визитеров обычно сопровождает Ясиро Фукагава, 30-летний моложавый человек. Он провел меня по галерее над сборочным конвейером транзисторных приемников. Данный цех разделен пролетами. Над монтажными столами, стоящими в ряд и теряющимися вдали, трудятся 1200 рабочих. Спустившись по металлической лесенке, я обнаружил батальоны сидящих рядами совсем юных девушек. Армию маленьких ручек японской электронной промышленности. Им от 16 до 20 лет, они носят косу или хвостик. Деталь, еще деталь, печатная схема, еще одна — девушки собирают головоломку — транзисторные приемники, остовы и начинка которых проходят перед ними по движущейся ленте.

В конце каждого монтажного стола — мужчина, который внимательно наблюдает за световыми контрольными часами и проверяет готовую продукцию. От темпа работы у меня перехватило дух. Громкий сигнал, и молодые работницы сошли со своих высоких табуретов, сделали шаг назад и разом, начав гимнастические упражнения, принялись скандировать лозунги, написанные на стенах. Например: «Увеличим производительность, чтобы наш завод обеспечил процветание всех народов мира!» или «Промышленность на службу человечеству!». Подобные занятия, длящиеся всего несколько секунд, но проводимые каждый час, предупреждают спазмы сосудов рук и мозга. В целом же — это встряска производительности, таким образом можно поддерживать бешеный темп в течение всех восьми рабочих часов.

Девушки в Японии составляют огромный резерв рабочей силы. Острота их зрения и гибкость пальцев делают в точ-

---

СЧАСТЬЕ В УПАКОВКЕ „МАЦУСИТА"

Владимир ЦВЕТОВ

Как и Андрэ Кутэну, сборочный конвейер транзисторных радиоприемников показывал мне в концерне «Мацусита дэнки» Ясиро Фукагава. И я тоже услышал от него вежливое, но твердое «сумимасэн», когда попросил проводить не в тот цех, который обычно демонстрируют всем иностранцам (в нем даже сооружена специальная галерея, откуда посетители наблюдают за конвейерами), а на другие производства — например, в цехи электронных микроскопов или осветительных приборов. Свой отказ Фукагава мотивировал, по меньшей мере, десятком внешне убедительных доводов — от перевода сборки электронных микроскопов на новую, еще недостаточно освоенную технологию до захламленности цеха осветительных приборов после недавнего ремонта.

Фукагава не привел лишь истинных причин. Он не хотел, чтобы я увидел сборщиц, которые должны за минуту шесть раз заглядывать в микроскоп с 24-кратным увеличением и так — все восемь часов рабочей смены. После нескольких месяцев труда они становятся пациентками врача-окулиста. Фукагава был против того, чтобы я познакомился со сборщицами осветительных приборов, потому что 75 процентов из них регулярно обращаются за помощью в поликлинику: бешеный темп конвейера и нестерпимая жара приводят к тяжелым заболеваниям.

«Могу с определенностью утверждать, что треть работающих японцев находится на грани неврастении», — заявил известный в Японии психиатр Масакацу Сёсаки. В «Мацусита дэнки» ежегодно в среднем десять человек заступают за эту грань так далеко, что кончают с собой. Нервные расстройства, вызванные физическим и умственным перенапряжением, — причина самоубийств. Считают, что почти 40 процентов рабочих концерна останавливают себя у самой грани неврастении с помощью сильнодействующих лекарств.

Концерн первым в Японии перешел на пятидневную рабочую неделю, но времени на отдых, на восстановление сил у работников «Мацусита дэнки» не прибавилось. «День для самосовершенствования, день для отдыха» — лозунг, который выдвинул хозяин концерна Коносукэ Мацусита. И по субботам работники концерна обязаны являться на заводы, чтобы сообща поразмыслить, как еще более увеличить скорость конвейера, или прослушать лекцию, в которой развивается такой, к примеру, постулат: «Если отдыхать два дня в неделю, замрет прогресс», или под руководством монахов секты «дзэн» погрузиться в собственные мысли до полной потери вообще каких-либо мыслей, или заняться хотя бы изучением «чайной церемонии». Не оставлять работников концерна без внимания администрации и в выходные дни, оградить рабочих и в их свободное время от влияния профсоюзов, прогрессивных партий — такую задачу ставят перед собой хозяева «Мацусита дэнки».

Я оглядывал просторный светлый цех транзисторных радиоприемников, конвейеры, протянувшиеся на десятки метров, станки, за которыми работали искусные мастера. Все выглядело очень современным, вплоть до потогонной системы труда, самой, пожалуй, интенсивной в капиталистическом мире. И тем не менее я чувствовал себя пассажиром фантастической машины времени, перенесшей меня в эпоху феодализма. Коносукэ Мацусита с упорством музейного хранителя сберегает феодальный характер отношений на своих предприятиях. Первейший долг рабочих и служащих — любить концерн, словно родную семью, и почитать Коносукэ Мацуситу, будто он отец, точно так же, как в средние века вассал обязан был чтить клан и беспрекословно подчиняться князю.

Мне показалось, что работники «Мацусита дэнки» чаще, чем в других японских компаниях и фирмах, употребляют в разговоре о концерне слово «ути». Прямое значение этого слова — «дом», «семья». Я, разумеется, делал скидку на присутствие при беседах Ясиро Фукагавы, который заносил в блокнотик ответы рабочих и служащих на мои вопросы. Однако я не мог не признать, что Коносукэ Мацусита добился значительного успеха в идеологическом оболванивании подданных своей империи. «Можно отказаться от прежних взглядов, развестись и жениться снова, можно взять новые фамилию и имя, недопустимо лишь одно — изменить концерну» — услышал я в конструкторском бюро от инженера и заметил явное удовлетворение на лице Фукагавы, записавшего в блокнотик эти слова.

Подобное отношение к концерну, характерное, в меньшей, правда, степени, для работников каждой японской компании, — результат воспитания укоренившейся в Японии системы воспитания, которая основана на философских, этических, религиозных воззрениях, оставшихся от феодализма и ревностно оберегаемых правящим классом.

Работники концерна должны трудиться так, как если бы они и в самом деле

ной промышленности чудеса. Многие из них взяты из деревни. Совсем молоденькие до полудня занимаются в школе, расположенной на территории предприятия.

Лестницы, лифты, коридоры — все сияет чистотой больницы. При входе в «японский домик», размещенный внутри завода, меня попросили разуться. Там, одетые в кимоно, чинно вышагивая в белых носках по татами, молоденькие работницы упражняются в искусстве приготовления и сервировки чая. Другая группа учится ходить по комнате с легкостью и нематериальностью облачка. Рядом накладываются последние штрихи на выставку предметов рукоделия, сделанных этими ученицами. Кейко прошла через это. Когда девушки выйдут замуж, они будут знать, как вести себя стопроцентной японке.

Мужчины тоже не остаются без внимания. Я нашел Хидеки, как и пятьдесят его товарищей по цеху, сидящим на подушке в состоянии глубочайшей самоуглубленности. Одетые в грубую шерстяную одежду преподаватели «дзэн» наблюдали за ними, поправляли их позу.

Мацусита стремится воспитывать как в старых служащих, так и в новобранцах истовое рвение. Каждый привязан к компании клятвой о лояльности, обязуясь проводить в жизнь ее «философию», то есть питать неограниченный патриотизм к своему предприятию. Труд выступает и как национальный мистицизм, и как новая «планетарная религия», которая вдыхает в рабочих силы, чтобы поддерживать рекордный темп, и изгоняет мысли об отпусках и «напрасном препровождении времени».

Я разговорился с Сейдзи Камидзаки, руководителем одного из отделов, который работает на заводе более 20 лет и имеет право на сорок дней отпуска.

— Иногда я беру три-четыре дня, — сказал он.

— Вы не ездите на несколько недель с семьей в деревню или на море?

— Нет. Сыновья совершают организованные компанией путешествия, жена поднималась на Фудзияму с женами моих приятелей. Я же, когда беру несколько дней отпуска, провожу их дома, читаю технические журналы или посещаю лекции.

— Но уж воскресенья-то вы проводите с семьей?

— У нас часто устраиваются митинги и спортивные праздники, в которых участвуют 10, 20 тысяч рабочих. Президент компании призывает всех участвовать в них. Поэтому в выходные дни мы совершенно заняты.

Довольно мудрено обнаружить грань, отделяющую личную жизнь 85 тысяч подданных империи «Мацусита» от профессиональной.

Как и все инженерно-технические работники, Камидзаки носит полотняный пиджак. Когда он начинал работать, то получал меньше, чем рабочий с 15-летним стажем, хотя и закончил один из крупнейших университетов. Продвижение по службе зависит фактически не от компетентности, а от выслуги лет. По истечении 10 лет можно получить назначение на должность начальника отдела, через 15 — заместителя начальника управления. Перешагнуть через ступеньку — такого не бывает. Служащие разделены на группы — А, В, С — в зависимости от производительности труда.

— А если ваш конкурент, фирма «Сони», предложит вам более высокий пост?

Камидзаки нахмурил брови и разразился речью о том, какую глупость я сказал. Инженер, изменяющий своему хозяину, на рынке труда никого не интересует. Уйти в возрасте тридцати лет из фирмы, где начал работать в 18—24 года, означает попрать клятву о лояльности. В глазах общества подобный клятвопреступник способен на все.

Однако сам Коносукэ Мацусита, президент — основатель фирмы, в 1910 году ушел от своего первого хозяина, владельца велосипедной мастерской. Не подает ли он дурной пример? Что вы, тогда ему не было и шестнадцати, и работал он всего лишь подмастерьем. Так что общество его простило, да и как не простить своего хозяина...

Мацусита не любит слова «хозяин».

— Я не отдаю приказаний, — говорит президент, — я учу философии действия.

Сокращенный перевод с французского
А. КЛИМОВА

работали на горячо любимую семью, обязаны жертвовать, например, своим отпуском, чтобы не повредить интересам «семьи». Поэтому-то и не принято в концерне использовать полагающийся отпуск. Два-три дня дополнительного отдыха рабочие берут только в крайних случаях: свадьба, рождение или смерть кого-либо из близких.

Как рабов к галере, приковала рабочих и служащих к концерну система оплаты труда, издавна существующая в Японии и принятая в «Мацусита дэнки». Продолжительность непрерывного стажа работы на предприятиях концерна — вот главное, что определяет сумму заработной платы. Тридцатилетний рабочий получает в два с половиной раза больше, нежели семнадцатилетний. В три раза выше, чем у семнадцатилетнего, зарплата рабочего в возрасте 40—49 лет. Из двух рабочих с одинаковым стажем по профессии получает больше тот, кто дольше работает в концерне. Год работы в другом месте оценивается примерно вдвое меньше, чем год работы в «Мацусита дэнки». Иными словами, «семья» — концерн воздает «сыну» — рабочему за «преданность».

Согласно неписаным законам концерна человек, становящийся рабочим или служащим «Мацусита дэнки», занимает первую ступеньку эскалатора, не боясь, что его спихнут. Ему не надо двигаться. Его поднимают. До какой высоты? Как сочтут нужным хозяева-«родители», как это позволит состояние дел «Мацусита дэнки» — «семьи». Искусный токарь, слесарь или сборщик не получит, скажем, пятого разряда, пока ему не исполнится 21 год. Лишь в 24-летнем возрасте рабочего допустят к экзамену на шестой разряд. Вместе со всеми он будет подниматься по тарифной сетке, действительно, как на эскалаторе: не обгоняя других, но и не отставая, если, конечно, проявит верность концерну и «благонамеренность» по отношению к хозяевам.

Долголетняя практика эксплуатации трудящихся подсказала Коносукэ Мацусите, что извлекать прибыль, используя чужой труд, удается лучше с помощью убеждения, нежели насилия. И уж если приходится прибегать к насилию, то нужно давать этому не вызывающее сомнения оправдание. Заставить трудящихся поверить в то́, что угодно Мацусите, а следовательно, и принудить их поступать так, как хочет он, — назначение выдуманной им «философской» системы, пышно названной «Мир и счастье через процветание».

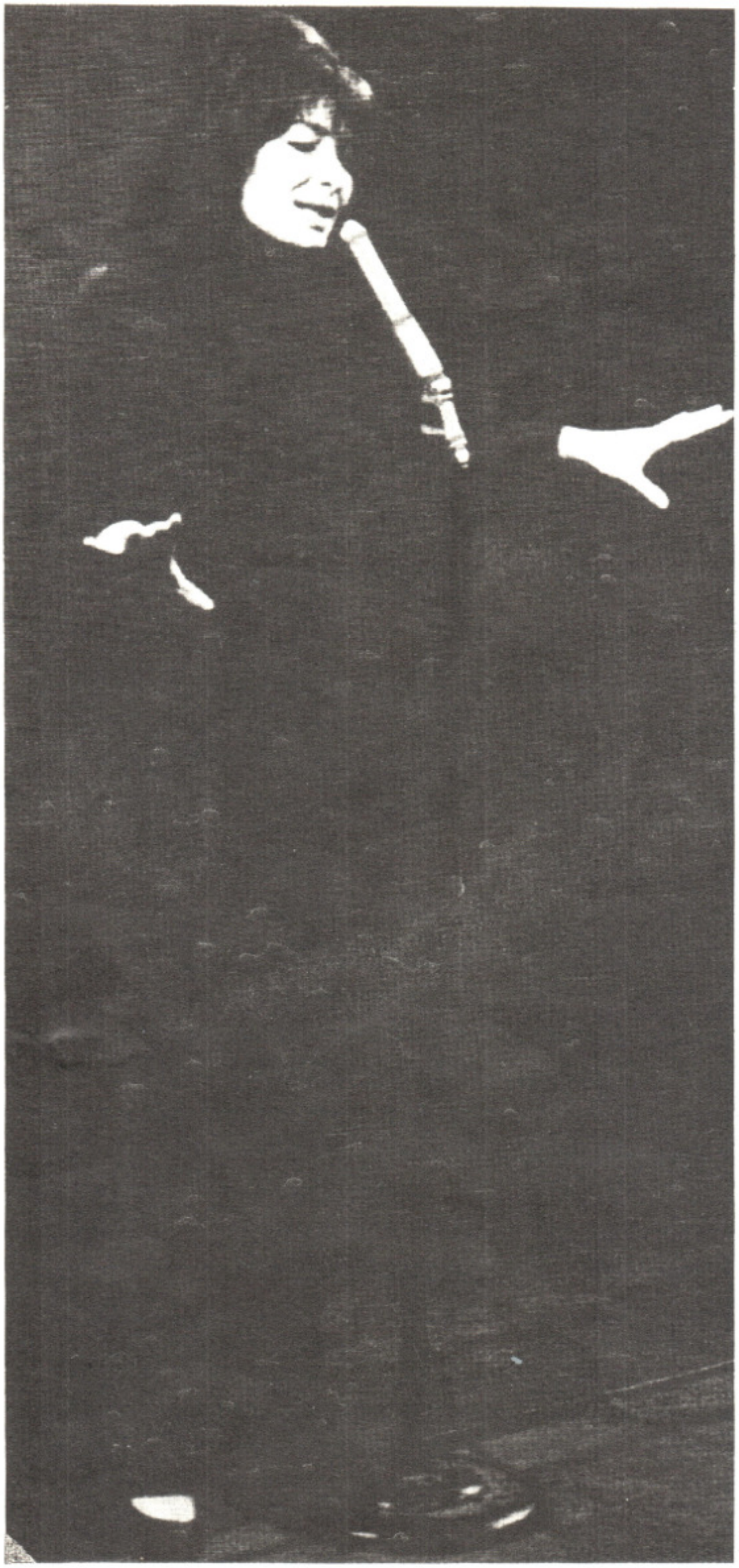
Согласно «философии» Мацуситы главной заботой рабочих должны быть прибыли концерна и «социальная гармония» на предприятиях — гармония во взаимоотношениях между ними и Мацуситой. Рабочие должны «выполнять свои обязанности, отдавая делу всего себя и следуя духу согласия и сотрудничества» — согласия и сотрудничества с Мацуситой, разумеется. Рабочие обязаны «повиноваться и быть скромными» — повиноваться Мацусите и быть скромными в требовании лучшей участи; «быть благодарными и отвечать добром на добро» — благодарными Мацусите за работу, которую он дает, и отвечать ему добром за то, что и им, рабочим, что-то перепадает. Феодальная архитектура этого «философского» сооружения, сложенного из разнородных элементов — от христианства до учения Конфуция, держится на подпорках из новейших учений о «примирении труда и капитала».

Французский идеолог абсолютизма XVII века епископ-католик Боссюэ предостерегал: «Религия лишится своей силы, если отнять у нее ту торжественность и ритуальность, которые одни могут держать народы в узде». Пышностью и числом обрядов, совершаемых в соответствии с «философией» Мацуситы, предприятия концерна не уступают католическим храмам. Даже производственная гимнастика проводится здесь так, словно это торжественная месса, исполняемая, правда, средствами хореографии.

Утром, перед работой, в концерне поют гимн. Вместе со всеми гимн поет в здании дирекции и Коносукэ Мацусита. После гимна рабочие, выстроившись в шеренги, декламируют «Семь заповедей Мацуситы» — этакий синтез догм философии «Пи-эйч-пи». Потом кто-нибудь из рабочих, на кого укажут бригадир или начальник участка, всходит на возвышение и в течение трех минут говорит о своих чувствах, с которыми приступает к работе. Ритуал завершает начальник. «Прошу вас и сегодня трудиться целый день изо всех сил» — обращается он к подчиненным. На зарубежных заводах концерна к этому добавляется подъем флага с торговой маркой «Мацусита дэнки».

Есть еще один обряд в концерне, о котором я много слышал, но увидеть не смог. На заводе в Осаке есть комната, где установлен манекен, очень похожий на Коносукэ Мацуситу. Рабочий в любое время может прийти сюда и отдубасить манекен бамбуковой палкой, чтобы дать выход своему недовольству. Когда он кончает колотить манекен, автоматически включается магнитофон и из динамиков раздается голос Мацуситы. Обращаясь к рабочему, он читает собственные стихи, в которых призывает «сблизить сердца и, взявшись за руки, сообща достичь мира и счастья через процветание». На просьбу показать эту комнату Ясиро Фукагава ответил: «Сумимасэн, иностранцы неправильно понимают такой метод устранения плохого настроения у рабочих».

Андрэ Кутэн верно подметил любимые слова хозяина концерна Коносукэ Мацуситы: «Я не отдаю приказаний, я учу философии действия». Действия во имя его прибылей — одних из самых больших в Японии.

ПАРИЖАНКА

М. БЕЛЕНЬКИЙ

Жюльетта Греко выступала во МХАТе.

Эстрадное пение в доме великих драматических имен? Помаргивание глазков звукоусилителей и хвосты электрогитар у занавеса с чайкой?

Да, но в новом МХАТе, на Тверском бульваре, где бетон и пластик, а дерево «под старину» еще не скоро состарится. И потом, не эстрадное пение, а скорее театр одной актрисы, с соблюдением требовательной формулы Станиславского: «Талант должен быть эстетичен. То есть чуток к художественной красоте, возвышающей самого актера и присутствующих при его творчестве зрителей».

...А вообще театр вошел в жизнь Жюльетты очень давно. Только не актерством — убежищем. До жизни для театра был театр для жизни. В 1940-м Греко стала парижанкой, когда на площади вокзала Сен-Лазар на ее глазах арестовали мать и старшую сестру, и она, онемев, смотрела, как их аккуратно подсаживают в грузовик — гестапо в Париже, по крайней мере на людях, соблюдало казарменную галантность, — смотрела в последний раз, потому что из тюрьмы маму и Шарлотту отправят в лагерь, и она не увидит их даже мертвыми. Одна, без адреса, без документов, без денег во враждебном Париже. Надо было принять независимый вид, чтобы ускользнуть от подозрительных глаз, а это очень непросто в пятнадцать лет, и идти, деревянно переставляя ноги, куда-нибудь идти. На аллее авеню Фош она подобрала билет на две поездки в метро, но одна дырка была уже проколота. Оставался один шанс. Жюльетта отправилась к подруге матери на другой конец города. Подруга была актрисой

Она спрятала девочку в театре, а потом нашла ей работу за кулисами. Еще Жюльетта должна была ходить в парк Монсури и рвать там траву для кроликов, которых закулисный люд держал в костюмерном шкафу. Рагу ей, правда, отведать не довелось — несколько дней спустя ее остановил приличный господин в гольфах: «Позвольте взглянуть на ваши документы, мадемуазель?.. Их нет?.. Ваш адрес в таком случае?..» Назвать театр было нельзя.

Из участка Жюльетту взяли в тюрьму Фрэн под Парижем — место сбора подозрительных. Молодых отправляли на работы в Германию. Но девушка была до того худа — глаза да скулы, — что две недели спустя, качающуюся от голода, ее отпустили под полицейский надзор, дав мобилизационное предписание: явиться на предприятие, работающее для войны.

Она опять пришла в театр, и ей достали фальшивые бумаги. Через год подруга матери попросила режиссера Дюссена взять девушку в студию, где человеческое тепло и слово согревали людей, потерявшихся в городе.

«Жюльетта и ее подруги носили длинные волосы, так как у них не было денег на парикмахера, — это свидетельствует маститый летописец французской культуры Андре Моруа, — они ходили в мужских брюках, потому что не было денег на покупку чулок; они одевались в черные бумазейные свитеры. У них был вид «Незнакомок с Сены».

Потом это станет нарядом, еще позже — универсальной модой, а покамест было одеждой на все случаи.

Цветы и краски появились в августе 44-го, когда Париж вновь стал Парижем. Время оттаявшей мечты и захлебывания свободой, больших начинаний и диковатых выходок — как реакция на пресс оккупации. Освобождение принесло пронзительное ожидание, но перед глазами вновь замаячили старые идеалы благоразумия, благопристойности и устойчивых ценностей буржуа... Много лет спустя это вернулось в песне, написанной для Греко и называвшейся — с вызовом — «Ненавижу воскресенья»:

Ненавижу воскресенья,
Ненавижу воскресенья,
Нет от публики спасенья,
Всякий раз хватает страх,
Как смешаешься с толпою,
Безразличной и тупою,
Что свой праздник провожает
На чужих похоронах [1].

«Сразу видно, — писал в вечерней газете рецензент, радетель порядочности, — что мадемуазель Греко всю неделю бьет баклуши. Поработала бы как следует, сразу полюбила бы воскресенья!»

Жюльетта жила в обшарпанной гостинице на набережной Гранд Опошен. Отопление едва дышало — хозяин не давал угля. Вечерами молодые жались друг к дружке в кафе, где «кофе пахнет кофтой любимой, а за стеклом видишь кривлянье мимов».

В те послевоенные годы Париж обогатился достопримечательностью — погребками на «рив гош», левом берегу Сены. Неподалеку здесь расположена Сорбонна, в то время знаменитая не учащимися бунтарями, а преподававшими мыслителями; кафе «Флора» и «Де маго», куда приходили писатели и художники. А в Сен-Жермен-де-Пре, когда-то предместье, ныне оказавшемся в центре города, появились погребки. Это не были питейные заведения или кабаре. Скорее демократические

[1] *Здесь и далее переводы песен Н. Кончаловской*

клубы без карточек и взносов (если не считать стоимости двух чашек кофе за вечер).

Погребки сделались полем высокого напряжения, где мысль и слово оттачивались язвительной критикой, где создавалось мнение, с которым считались газеты и издательства, где «проходило» только настоящее и где известность завоевать было нелегко, а погибнуть во мнении — совсем просто.

В одном из этих погребков под названием «Табу» на крохотной сцене Греко начала петь — без всякой подготовки, совершенно естественно, будто продолжая разговор. Кстати, погребок этот открыла она сама. Однажды упало вниз на ступеньки лестницы ее брошенное на перила пальто. Оказалось, ступеньки ведут в подвал. Кто-то из друзей, самый состоятельный, арендовал погреб на один сезон. Нужно было выручить деньги для уплаты за помещение. Вот Жюльетта и начала петь.

С середины 50-х годов Сен-Жермен-де-Пре уже начали обозревать туристы, мода велела показаться «там», и в конечном счете случилось то, что и должно было произойти: подлинные обитатели отступили, не выдержав любопытствующих глаз. В погребках остались экстравагантные личности, ряженые клоуны и профессионалы случайных знакомств.

Тогда Греко пела:

У Сен-Жермен нет «после» —
Ни послезавтра, ни после полудня —
Есть только сегодня
И будет вчера...

Но именно там, в Сен-Жермен-де-Пре, за Жюльеттой Греко закрепилась репутация, не канувшая в безвестность после захирения погребков, а ставшая громким именем на целую четверть века — громадный запас прочности.

Греко остается Греко — студенчески непочтительная к канонам, острая на язык («острее, чем в Париже, не сыщешь язычка» — пел Вийон еще 500 лет назад) и отзывчивая к простоте, трепетная ценительница настоящего — подлинных чувств, непоказных страстей. Вот послушайте — это специально для нее написал Франсуа Мориак, знаменитый романист, стихов обычно не писавший:

В тот час, когда отряды косарей,
Как крестоносцы, ринулись в покровы трав,
В пыли, в чаду, одна, как стебель, устояв,
Оглохши от цикад, я на жаре шальной
Искала сердца твоего, как ищут тени в зной.

В Греко есть трезвость ума и шарм. В ней есть шик — не расхожий «парижский шик», а то, что словарь определяет, как «тонкий вкус, особенное изящество». Греко — личность, и в этом секрет ее притягательной силы. Одна из ее самых известных вещей называется «Я — такова, какая есть». Ее изысканность обеспечена взыскательностью к себе, своему ремеслу (Греко никогда не скажет «творчеству»), к своему образу «артиста на публике». Она никогда не фотографировалась под руку со знаменитостями («мои знакомые — это друзья»), у нее нет дворцов и автомобилей по особому прейскуранту. О ней во Франции пишут только в рубрике «Спектакли» и никогда в светской хронике.

Представление Греко в Соединенных Штатах, державшееся два сезона, называлось исчерпывающе емко: «Жюльетта Греко живет в Париже». Она действительно парижанка до кончиков пальцев в своей иронической лирике и требовательной любви. Город миллионов лиц она каждый раз видит наново и в мудром неведении разводит руками — нет, не могу постичь...

— Под небом Парижа
Сели под мост у воды:
Философ-чудак,
Два музыканта
И несколько юных зевак...
— На улице Белых плащей
Помост возведен для гостей,
Палач одевался скорей,
Спешил он к работе своей
Казнить именитых людей...
— Ночное кафе красный бархат таит...

У Ван-Гога есть картина «Ночное кафе», про которую он говорил: «...я попытался объяснить, что кафе — это место, где можно сойти с ума или совершить преступление».

— Париж, ты шкет, бродяга, кот,
В тебе аккордеон ревет,
Твои дружки, как в теле зуд,
В метро Бастилии живут.

Она доносит — это, пожалуй, следует понимать буквально — доносит руками, ладонями, брошенными навстречу залу, урожай, собранный ею на страницах поэтических книг. Отбор идет строгий: Аполлинер, Деснос, Превер, Арагон. Для нее пишут слова и музыку мастера шансона: Брассанс, Брель, Азнавур. Могли, конечно, исполнять сами, — но «это для Греко».

В сущности, предварительное знакомство с афишей не обязательно, поскольку публика привыкла ходить «на Греко», доверяясь ее вкусу. Певица концертирует нечасто, и редкость появлений на сцене придает им еще бóльшую цену.

Остальное время она интенсивно работает — помните брюзгу-обозревателя, советовавшего ей посильней трудиться на неделе, чтобы научиться ценить воскресенья? Греко в его рецептах не нуждается. Год назад другой обозреватель писал в газете «Канар аншене»: «Немало бледных юношей ночами слагают вирши, а под утро рвут в клочки написанное, ибо их некому показать — в нынешнее время не до стихов. Мой им совет: отправьте все это Греко. Уверяю, она не только непременно прочтет стихи, она еще и умеет читать. Доказательство тому — мое собственное восьмистишье, которое я однажды под горячую руку показал ей. И вот вчера, на генеральном прогоне, услышав его со сцены, я вдруг понял, что у меня вышло совсем неплохо. Жюльетта поцеловала меня в щечку и шепнула, как только может шепнуть она — своим ясным, как капель, голосом: «Не будь разгильдяем... Работай!» И честное слово, мне захотелось услышать это еще раз».

В нынешний свой приезд в Москву и Ленинград Жюльетта Греко, за исключением нескольких старых славных вещей («Говори мне о любви», «Три простенькие ноты», «Песня для овернца»), показала новую программу, написанную ее пианистом и композитором Жераром Жуаннэстом на стихи Жака Бреля и Мориса Фанона. Мне лично наиболее интересными показались «Новые времена» и заключительная «Пой, мой сын!».

За кулисами после концерта я недолго беседовал с мадам Греко.

— Ну, вот вы и снова в Москве. Как вам работалось?

— Замечательно! В прошлый приезд я умудрилась жутко простудиться: московские морозы оправдали свое реноме, и я боялась сорваться. Боялась немного и зала...

— А сейчас?

— О, сейчас весна. В Театре эстрады и в Художественном публика собралась прелестная, много молодежи. Реакция самая живая, хотя язык для них чужой, а в стихах много подтекста...

— Французский шансон — явление оригинальное. Скажем, в отличие от большинства современных песен, где упор делается на мелодию, в шансоне основное — текст. У вас, помнится, была даже такая вещь — «Мне нужны слова, слова...».

— Не только, не только! Чтобы петь, нужны чувства. Сейчас нередко поют о любви, даже не зная, с чем ее едят... Ну а мелодии шансона — вспомните хотя бы «Опавшие листья», «Под небом Парижа», мелодии Пиаф, а сейчас — замечательные находки Мишеля Леграна, Франсиса Лея для «Мужчины и женщины» и «Истории любви». Стихи — живая вода, и ее нельзя заставлять бежать по сухому руслу. В целом, традиция, идущая от трубадуров, от «шансон де жест» — это песенная поэзия.

— Вы — только исполнитель, не автор. Сейчас во Франции это скорее редкость. Большинство — авторы-композиторы-исполнители...

Смеется.

— Хорошую мелодию сочинить трудно. Вдвое труднее написать к ней стихи. А уж как следует исполнить — тут требуется просто редкий дар... В поп-музыке голос стал частью сопровождения: «вокал» значится среди инструментов. Где уж тут пытаться выговорить хоть какие-нибудь слова! Под музыку сейчас скорее принято танцевать, не вслушиваясь — улавливая.

— Но вы не так давно выступали в Национальном народном театре ТНП в одной программе с Жоржем Брассансом, и, судя по прессе, зал был полон именно слушателями...

— В России тоже! Я знаю, что у вас поэзия имеет огромную аудиторию. Мне говорили, стихи приходят слушать во Дворцы спорта и на стадионы — вещь немыслимая для Запада. Вот почему выступления здесь — для меня радость.

— Это радость и для публики. «Ровесник» и его читатели желают вам оставаться «такой, какая вы есть»...

Жюльетта Греко пишет несколько строк в моем блокноте: «Спасибо, «Ровесник». На память об одном парижском вечере в Москве».

У АРФЫ СТОЛЬКО ВОЗМОЖНОСТЕЙ!

В 66-м, когда я начинал, меня встречали хохотом — что это за штуку выволакивает парень на сцену! А теперь публика полчаса не отпускала меня.

Это говорит Алан Стивелль, интервью с которым поместил журнал французских комсомольцев «Авангард». Выступление Алана в Парижском Дворце спорта состоялось во время Национального фестиваля молодежи и студентов, устроенного французскими прогрессивными организациями. Стивелль — исполнитель своеобразного жанра, основанного на кельтском фольклоре. Кельты — прародители нынешних бретонцев, шотландцев, валлийцев и ирландцев. Их древний национальный инструмент — арфа.

— Я решил, — рассказывает Алан, — попробовать вернуть поп-музыке ее изначальный смысл — музыки популярной, то есть народной. А не коммерческой. Но мой стиль — современный. Я пою в сопровождении электрогитар и ударных. Большинство композиций мои собственные. Но есть и аранжировки старинных баллад. Как известно, новое — это хорошо забытое старое. Звуки моей кельтской арфы, видимо, затронули те струны в душе публики, о которых она и не подозревала...

НА КРЫЛЬЯХ ЛЮБВИ

Влюбленный, как ему и положено, витал в облаках. Вся штука заключалась в том, чтобы не пролететь мимо своего счастья... Говоря конкретней, 22-летний француз Жан-Бернар Бонне, спортсмен-парашютист из Шартра, отправляясь на венчание, назначил своей невесте свидание на поле для прыжков возле белого круга, куда он и спустился из поднебесья. Удачное приземление зафиксировали камеры журналистов, приглашенных на эту летучую свадьбу.

КАФЕ В ВЕНЕЦИИ

Для официантов кафе на площади святого Марка в Венеции лето обычно — горячее времечко, только успевай поворачиваться. Увы, на сей раз столики и стулья, как видите, пусты — толпы людей, приехавших полюбоваться старинным итальянским городом, сторонятся их, точно места, зараженного холерными бациллами, если воспользоваться сравнением западногерманского журнала «Штерн», опубликовавшего эту фотографию. Все просто, поясняет журнал: туристы предпочитают присесть передохнуть там, где не надо платить.

ВНОВЬ НА ЭКРАНЕ

Бельгийка по рождению, римлянка по месту жительства мужа, американка Одри Хепберн, в прошлом принцесса в «Римских каникулах» и молодая русская графиня в «Войне и мире», после шести лет перерыва снова снимается в кино. Вместе с известным актером Шоном Коннери она участвует в работе над фильмом режиссера Ричарда Лестера «Смерть Робин Гуда».

Сценарий фильма, по словам Хепберн, привлек ее романтичностью, лиричностью. Он посвящен последним дням двадцатилетних приключений всем известного героя-йомена — вольного крестьянина Робин Гуда.

РОДНЫЕ БРАТЬЯ ДЕРЕВЯННОГО ПИНОККИО

Король, пираты, нищий, доктор, черти и знатные кавалеры спят вповалку в одной крошечной комнате. Через потолок до спящих доносится посвист рубанка, осторожные удары долота. Приземистая дверь выводит из мастерской в темный коридор, где укреплен бумажный лист: «Музей кукол». Мы в Парме, в одном из ее небогатых предместий, где до сих пор помнят пармское великое искусство — музыку, и пармское скромное искусство — кукол, театр кукол.

Музей принадлежит Джордано Феррари, собирателю и создателю оригинальных персонажей театра марионеток. Джордано унаследовал театр от своего отца, известного в Парме еще в начале века; в шестидесятых годах вместе с Джордано в театре стали работать его сестра, жена и два сына. В те времена содержать такой театр означало голодать. Теперь вроде легче — искусство марионеток вновь становится популярным в рабочих кварталах Италии. И, как прежде, неутомимо, словно папа Карло, продолжает создавать своих Пиноккио Джордано Феррари.

РАССЛЕДОВАНИЕ. Очередное происшествие случилось в семье журнального магната Рэндолфа Херста (о деле его старшей дочери, Патриции, неоднократно писалось в нашей печати) — вторая дочь, Анна, также оказалась замешанной в уголовную историю. Анна ехала из Канады в США, и на границе американские полицейские обыскали ее машину — они надеялись раздобыть сведения о Патриции, которая, по подозрениям полиции, скрывается в Канаде. О старшей сестре полицейские так ничего и не узнали, а вот в багажнике машины Анны было обнаружено большое количество опасного наркотика — амфетамина. На этот раз папа Херст отделался дешево — штрафом в 1000 долларов: считается, что Анна совершила детский (ей 19 лет) «проступок».

При нынешней инфляции их вполне можно понять... Кстати, о туристах. Их ряды в последние год-два сильно поредели. К тому же иностранные путешественники стали на редкость прижимистыми и без конца жалуются на инфляцию у себя на родине. Все надежды итальянских туристских бюро сейчас — на кампанию по привлечению туристов, развернутую... самим папой римским, объявившим 1975 год «святым» (наплыв паломников в «вечный город», как ожидается, составит 12 миллионов человек). Но Ватикан еще не вся Италия, и венецианские официанты по-прежнему уныло бродят меж пустых столов...

ВСЕ НА ПРОДАЖУ, ВСЕ НА РАЗГРАБЛЕНИЕ?

Эти статуи, колонны и капители валяются в Национальном музее Мессины. В до сих пор памятном 1908 году Сицилию потрясло землетрясение. Тогда-то остатки разрушенных им бесценных творений старинных мастеров были собраны и перевезены на пустынный берег моря рядом со зданием-развалюхой бывшей шелкопрядильни. Думали, это на время, а вышло навсегда. Теперь та же шелкопрядильня и заросший травой берег зовутся музеем.

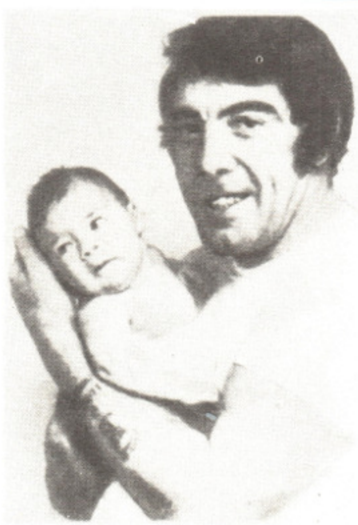
Сколько в Италии, Мекке туризма, музеев? ЮНЕСКО утверждает — 1400. Итальянский статистический институт — только 600. Другие официальные данные определяют — 712. Дело в том, что музей — это только минимальная часть художественного наследия страны, которое включает «около 30 тысяч соборов и церквей, 20 тысяч замков, две тысячи археологических участков, тысячи исторических центров и памятников».

Не меньше этих цифр поражают цифры, характеризующие заботу итальянского государства об огромном культурном достоянии: его судьбой занимаются всего лишь 267 научных сотрудников — меньше, чем в 1910 году; почти столько, сколько работает в одном Ленинградском Эрмитаже. Так же мало число и тех, кто призван охранять памятники культуры. Как результат, за послевоенный период, то есть с момента, когда пришел конец мародерству нацистских войск, в Италии было украдено и перепродано заграничным толстосумам 44 тысячи произведений искусства!..

По мнению управляющего охраной художественных памятников в Ломбардии, через десяток лет Италия потеряет четверть своего художественного и исторического наследия.

ОТЦЫ И ДЕТИ

Нет-нет, речь пойдет не о «конфликте поколений» и не о «проблеме отцов и детей». Эти детишки покамест ведут себя тихо и не ропщут. Подчас по той причине, что еще не научились говорить.

Оно и к лучшему. Дочери англичанина Брайана Брауна, которую вы видите на фото, нелегко будет освоить собственное имя. Родитель, тренер по боксу, всей душой ждал сына, намереваясь подготовить из него чемпиона ринга. Он уж и имя соответствующее приготовил. Но судьба распорядилась по-иному... После рождения дочери папеньке пришлось отказаться от мечты о чемпионстве. Но уж от имени он не отступился: назвал дочь Мэри, присовокупив далее имена двадцати пяти чемпионов Великобритании по боксу, начиная с 1882 года. Общинные власти пытались было поумерить родительское хобби, но Браун стоял на своем. После консультаций с Лондоном властям графства Сассекс пришлось отступить: по закону отец волен давать своему чаду любое имя.

Два других снимка запечатлели отцов в процессе подготовки достойной семейной смены. Испанский тореадор Викториано Валенсиа вышел на арену сражаться с быком, взяв в одну руку шпагу, а во вторую — своего четырехмесячного сына Паблито. Пускай привыкает...

Англичанин Деннис Гамси, по профессии каскадер, дублирует актеров в опасных киносъемках. Четыре года назад он решил пустить по своим стопам сына Терри. Сейчас мальчику 12 лет; за это время папочка успел обломать о его голову немало деревянных предметов. Судя по лицу Терри, тренировки не доставляют ему особой радости. Но что поделаешь против родительской воли? Вот дайте срок, подрастут дети, тогда уж...

М. ФРИД

Многим, наверное, при словах «популярная венгерская музыка» приходят на память мелодии Легара и Кальмана, выходная ария Сильвы, «престо» чардаша и куплеты Бони о том, что без женщин нам на свете пришлось бы весьма затруднительно.

Но времена меняются, а с ними и мелодии. Вернее, хорошие мелодии остаются, меняются ритмы...

В этом можно убедиться, прочтя афиши возле решетки бывшего Королевского парка — там открыт один из самых посещаемых молодежных клубов. Выступают ансамбли «Локомотив ГТ», «Омега», «Бергенди», «Сириус», «Скорпио»... Еще дома, в Ленинграде, я был наслышан об интересном музыкальном спектакле, который уже больше года идет с успехом на сцене будапештского «Веселого театра». Но оказалось, что билеты распроданы на месяц вперед, и, если бы не помощь молодежного туристского бюро «Экспресс», я бы туда не попал.

«Воображаемый репортаж об одном американском поп-фестивале» — так называется этот спектакль по известному роману венгерского писателя Дери Тибора. На сцене воссоздана обстановка поп-фестиваля — башня с аппаратурой с одной стороны, подмостки с инструментами — с другой, посередине — палатки, из которых с веселой толкотней выскакивают человек двадцать ребят и девушек. Среди них и музыканты из «Локомотива» — музыка к спектаклю написана органистом и певцом группы Габором Прессером.

Включается аппаратура, ударник берет в руки палочки, и в ту же минуту вся эта пестро разодетая толпа начинает экспансивный танец. Но вот музыка постепенно стихает, движения актеров становятся все менее резкими, прожектора перестают метаться. Из толпы выходит Она, и начинается рассказ о Любви, которая родилась на этом поп-фестивале. Но история сложных взаимоотношений влюбленных — далеко не главное. Показать молодежь Америки, ее интересы, взгляды, привычки — вот основная задача спектакля.

В толпе — хиппи, предлагающие всем наркотический рай, и «ангелы ада» — бандиты со свастикой на кожаных куртках; пацифисты и экстремисты; увешанные крестами «люди Иисуса» и, конечно, подлинные борцы против денежной тирании истэблишмента. Вьетнам, война, наркотики, насилие, любовь, музыка, счастье — об этом спорят герои спектакля. В кульминационные моменты актеры, играющие заразительно, даже страстно, обращаются за поддержкой прямо к зрителям. И тогда зрительный зал то возмущенно шумит, то аплодирует, а иногда смеется.

В перерыве я с трудом пробрался за кулисы и наконец нашел комнату для музыкантов. Участники ансамбля отдыхают — лидер-гитарист Тамаш Барта изучает свой грим в зеркале, басист Тамаш Шамло и ударник Йожеф Лаукс просто курят, откинувшись в креслах, Габор Прессер, забыв о своих и без того внушительных размерах, с упоением уничтожает блюдо бутербродов.

Условия для интервью явно неподходящие, не очень удобно мешать музыкантам, но, боюсь, другой возможности не представится. Основную мысль, высказанную Прессером, можно сформулировать так:

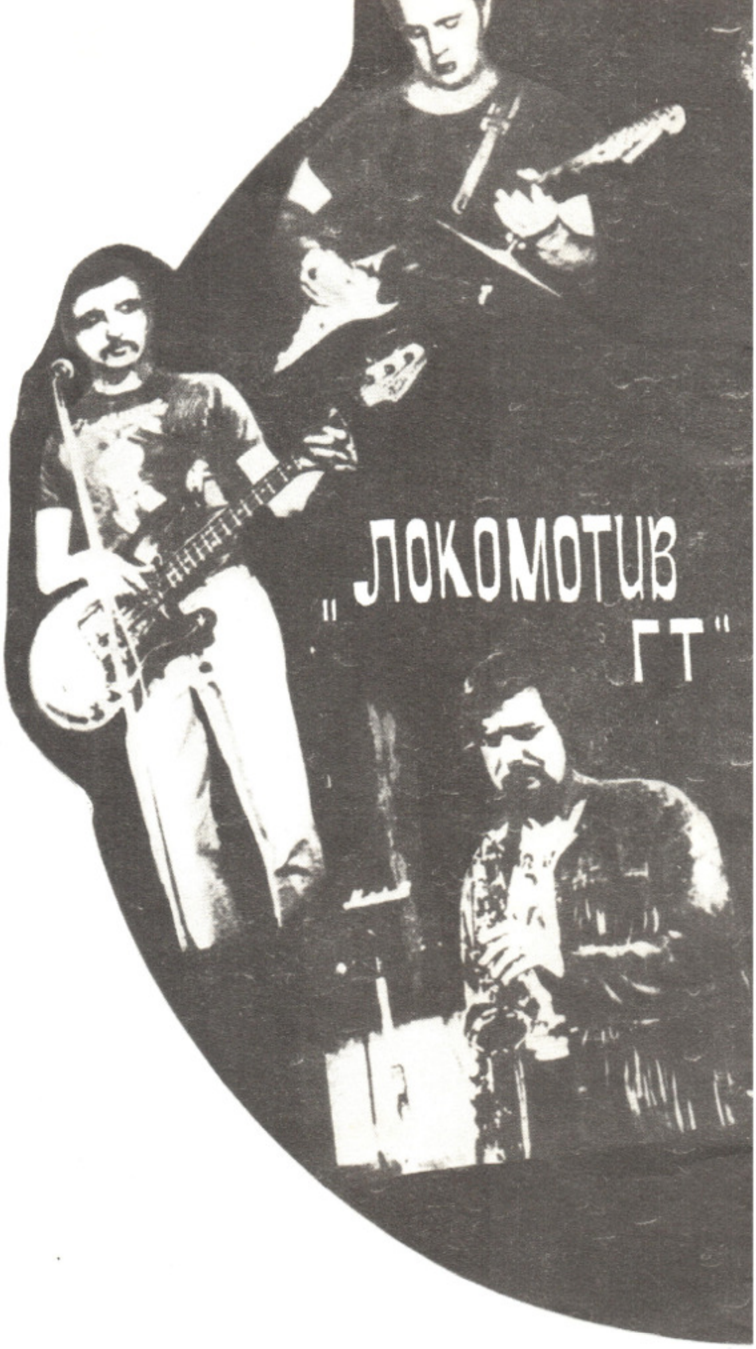
— Большинство наших композиций написано в стиле «хард-рок» и «андерграунд-рок», но, несмотря на использование «международных» ритмов, эта музыка остается венгерской. Мы к этому всегда стремились.

...Здесь я немного отвлекусь, чтобы выделить черту, характерную для всех венгерских ансамблей (а я их прослушал немало, но расскажу лишь о некоторых), — это неизменная фольклорная основа. Янош Броди, гитарист другого ансамбля — «Иллеш» — и один из лучших в Венгрии поэтов-песенников, сказал в интервью:

— Мы живем в Венгрии и поем по-венгерски, это язык нашего народа. У нас богатейшие музыкальные традиции. Каждый парень в Венгрии умеет играть на скрипке, знает народные песни. И когда вы внимательно вслушаетесь в игру лучших венгерских групп, то уловите совершенно очевидное влияние народной музыки.

Но вернемся к «Локомотиву ГТ». Я спросил у ребят об истории возникновения ансамбля. Оказывается, они «отпочковались» от старейшей и до сих пор очень популярной группы — «Омега». История же «Омеги» сама по себе интересна, поэтому я остановлюсь на ней чуть подробнее.

«Омега», один из первых гитарных ансамблей в Будапеште, была организована в 1962 году. Ее участники — шестеро студентов Политехнического института — несколько лет с большим успехом выступали в студенческом клубе и лишь в 1967 году окончательно решили стать профессионалами.

ВЫ СПРАШИВАЛИ

1968 год оказался для «Омеги» переломным. Тогда, после удачных гастролей в Англии, ансамбль записал долгоиграющую пластинку в известной фирме «Декка», и его популярность перешагнула границы Венгрии. После Англии — успех в Японии. Записанная там песня «Девушка с перламутровыми волосами» облетела фестивали и радиопрограммы всего мира.

Во время очередной зарубежной поездки западная пропаганда во главе со «Свободной Европой» и Би-Би-Си вдруг принялась утверждать, что «Омега» с гастролей... не вернется! Провокация сорвалась. После приезда в Будапешт музыканты записали одну из своих лучших песен, в которой были такие слова: «Все у нас человечнее, все теплее». Это был поэтический гимн родному дому.

Именно воспитанник «Омеги» композитор Габор Прессер (это он написал «Девушку с перламутровыми волосами») и еще один участник группы — Йожеф Лаукс организовали «Локомотив ГТ».

После ухода Габора Прессера, который унес в «Локомотив ГТ» мягкость и лиричность старой «Омеги», популярность ансамбля несколько снизилась. Но и сейчас музыка группы находит много почитателей. «Омега», в нынешнем составе которой выступают Янош Кобор — вокал, Ласло Бенко — орга́н, Тамаш Михали — бас-гитара, Дьёрдь Молнар — лидер-гитара и Ференц Дебрецени — ударные, по-прежнему много гастролирует, по-прежнему «золотой» становится каж-

дая долгоиграющая «Омеги». На последнем альбоме ансамбля — «Омега-5» — заметны новые веяния: целая сторона диска заполнена сюитой для группы и симфонического оркестра.

Единственным ансамблем, который мог соперничать с «Омегой» в годы ее расцвета, был «Иллеш». Группа названа так по фамилии своего основателя и руководителя — пианиста, органиста и композитора Лайоша Иллеша. Кроме него, в ансамбль входят Сёрени Левенте — гитара, его брат — бас-гитарист Сёрени Сабольч (они оба еще и сочиняют музыку), ударник Золтан Пастори и упоминавшийся мною гитарист Янош Броди. В таком составе группа выступала с 1965 года и с тех пор записала 10 долгоиграющих пластинок, 5 из которых — вместе с лучшей венгерской певицей Жужей Конц.

Музыка «Иллеша» всегда проста и понятна, она очень близка венгерскому фольклору. Особенно отличают группу прекрасные тексты песен. Одна из лучших работ ансамбля — полная романтики песня о великом венгерском поэте-революционере Шандоре Петефи, которая была написана для фильма о нем. В дни, когда молодежь во всем мире выступала за освобождение Анджелы Дэвис, «Иллеш» выпустил долгоиграющую пластинку с ораторией «Право человека». В альбом была вложена листовка.

Недавно «Иллеш» распался. Трое, на мой взгляд, самых талантливых участников группы — братья Сёрени и Янош Броди вместе с несколькими музыкантами организовали ансамбль «Фонограф». Сейчас это одна из самых популярных групп Венгрии.

Рассказывая о будапештской сцене, нельзя не назвать очень своеобразную группу «Сириус». Первые же выступления «Сириуса» в Будапеште стали сенсацией для любителей молодежной музыки. Участники ансамбля — певец и тенор-саксофонист Жолт Баранович, бас-гитарист и скрипач Миклош Орански, пианист и органист Ласло Патаки, ударник Андраш Веселинов, гитарист Тибор Татраи и самая яркая звезда группы — альт-саксофонист Михай Радуй продемонстрировали своим слушателям очень сложную, виртуозную музыку в манере джаз-рока. Музыкантов «Сириуса» считают сейчас сильнейшими венгерскими инструменталистами; в апреле этого года группа выступала и в нашей стране.

Я еще ничего не сказал о только что появившейся группе «Скорпио», ее организовал бывший бас-гитарист «Локомотива ГТ» Карой Френрейс, первый альбом «Скорпио» на моих глазах вовсю расхватывался в будапештском салоне грампластинок; об интересном ансамбле «Бергенди», о группе «Генерал», песни восьми участников которой — пятерых ребят и трех девушек, полны удивительного задора.

Вкратце я упомянул самых известных исполнителей, теперь постараюсь выделить те характерные черты, которые присущи большинству венгерских молодежных ансамблей.

Первое, на что обращаешь внимание, когда слушаешь венгерских музыкантов, — это их высокое профессиональное мастерство. Даже вдалеке от столицы, в баре или танцевальном зале небольшого городка игра музыкантов будет почти такой же, как и у самого известного столичного ансамбля. На западной границе Венгрии, в городе Самбатхей я говорил с участниками одной непрофессиональной группы. Поблагодарив ребят за хорошую музыку, я спросил у руководителя ансамбля — органиста Ковача Немешвари, откуда в Венгрии так много виртуозно играющих музыкантов.

— У нас сейчас получить признание очень нелегко. Это заставляет не только много репетировать, но, главное, искать свой собственный стиль. Чтобы попасть в какой-нибудь выступающий ансамбль — а этого, конечно, хотят многие,— нужно уже быть хорошо подготовленным. Я и мои друзья — все мы имеем музыкальное образование. Но этого мало. Я, например, почти целый год прозанимался дома и за это время переиграл и выучил буквально сотни популярных у нас песен. Лишь после этого организовал свой ансамбль. А выступать мы стали еще через полгода совместных репетиций... Мы играем порой очень сложные композиции, но ошибаться нельзя — наши поклонники, — Ковач взглянул на битком набитый зал, — не пропустят ни одной ошибки.

Янош Броди говорил мне:

— Все мы живем в обществе и не можем не обращать внимания на то, что в нем происходит... Ясно, что если я пишу тексты и стихи, то должен обязательно выражать в них мое отношение к жизни, находить самые точные, незатертые слова... Мы часто оглядываемся назад, на наши музыкальные традиции, которые всегда остаются высокой точкой отсчета. Не спешить с любой «пробой пера» к зрителям, подвергать ее самой тщательной отделке — это у нас жесткое, для всех обязательное правило.

Что ж, именно эти качества обеспечивают нынешний высокий уровень венгерской эстрады.

Главный редактор А. А. НОДИЯ.

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, В. В. ГРИГОРЬЕВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, В. П. МОШНЯГА, В. Д. ОСИПОВ, Б. А. СЕНЬКИН, С. А. ЧИБИРЯЕВ.

Художественный редактор О. С. Александрова
Оформление В. Д. Грызлова
Технический редактор В. Н. Савельева

Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5. Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

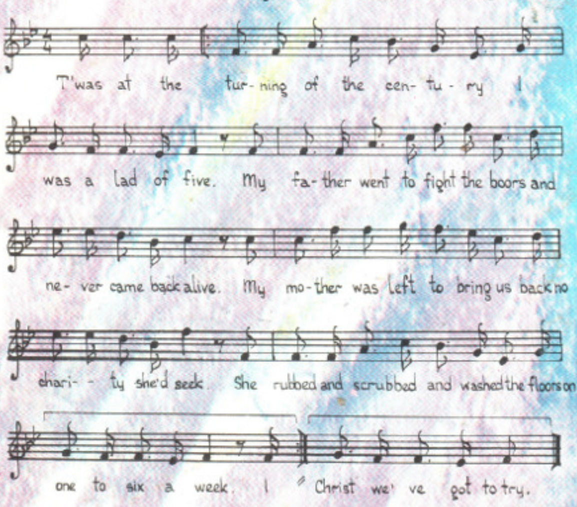
Сдано в набор 16/V 1975 г. Подп. к печ. 25/VI 1975 г. А08166. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 470 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 833.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

КОГДА ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД ДОКЕРЫ ВЕРХНЕГО КЛАЙДА ОБЪЯВИЛИ СВОЮ ЗНАМЕНИТУЮ «ЗАБАСТОВКУ НАОБОРОТ», ЧТОБЫ НЕ ДОПУСТИТЬ МАССОВЫХ УВОЛЬНЕНИЙ (И В КОНЦЕ КОНЦОВ НАСТОЯЛИ НА СВОЕМ), НА ЗАНЯТЫХ ИМИ ВЕРФЯХ... ЗАЗВУЧАЛА МУЗЫКА. ЭТО ИГРАЛ АНСАМБЛЬ «ЛЭГГАН». ПЕСНИ «ЛЭГГАНА», И ОСТРЫЕ, БОЕВЫЕ, И ПЕРЕСЫПАННЫЕ ШУТКАМИ ИЗ ШОТЛАНДСКОГО ФОЛЬКЛОРА, СТАЛИ ТОГДА В ПРЯМОМ СМЫСЛЕ СЛОВА ОРУЖИЕМ РАБОЧИХ. ОНИ ПОМОГАЛИ ПОПОЛНЯТЬ СТАЧЕЧНЫЙ ФОНД, ОБОДРЯЛИ ПАВШИХ ДУХОМ, ЗАВОЕВЫВАЛИ НА СТОРОНУ ДОКЕРОВ НОВЫХ ДРУЗЕЙ. АРТУР ДЖОНСТОН, ДЖОН МАКДЕРМОТТ И БРАТЬЯ ПАТТОНЫ — ТОНИ И БИЛЛИ, ПОСТОЯННЫЕ УЧАСТНИКИ МИТИНГОВ И ДЕМОНСТРАЦИЙ АНГЛИЙСКИХ КОММУНИСТОВ И ПРОГРЕССИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ. ОДНУ ПЕСНЮ ИЗ ИХ РЕПЕРТУАРА, ПОКАЗАННОГО НА V МЕЖДУНАРОДНОМ ФЕСТИВАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПЕСНИ В БЕРЛИНЕ, МЫ ПРЕДЛАГАЕМ ЧИТАТЕЛЯМ «РОВЕСНИКА».

old man's song

Стихи и музыка Яна Кэмпбела
Русский текст Вл. Лугового

1. На свет родился новый век, а мне сравнялось пять.
В тот год отец мой был в Трансвааль отправлен воевать,
Обратно не вернулся он, и, чтобы нас кормить,
Ходила мать белье стирать, полы и окна мыть.

2. Легко богатым говорить, что, мол, ученье — свет,
А мне ученье прекратить пришлось в двенадцать лет.
Для всей семьи мой шиллинг в день был целый капитал —
Так детство кончилось мое, и я мужчиной стал.

3. Когда запахло на земле войною мировой,
На плечи ранец я надел и стал в солдатский строй.
Три года крови, пота, слез, смертей и тяжких ран,
Но все ж вернулся я домой с медалью «Ветеран».

4. Великий кризис был потом, завод забастовал,
И я, как все в 26-м, работу потерял.
Как все, я верил — после тьмы опять настанет свет,
И ради этого ходил на митинг и в пикет.

5. Я стал отцом, кой-как на лад пошли мои дела —
А по Испании война опять пожаром шла.
Внушал я детям: человек всегда другому брат,
А Гитлер ставил под ружье полки своих солдат.

6. За янки замуж вышла дочь, и сын завел семью,
Но срок пришел, и он — точь-в-точь, как я, — шагал в строю:
На танки Роммеля пошел в атаку батальон —
Был трижды ранен сын, как я, — однажды награжден.

7. Из Штатов письма дочка шлет и не жалеет слов:
Мой внук в Америке растет, он весел и здоров.
Он улыбается, как дед, умен не по годам...
Но вот и он в мундир одет и послан во Вьетнам.

8. Я жил в заботах и трудах. Сегодня я старик.
К себе вниманья не прошу — к нему я не привык.
Но чтоб другим не повторять рассказ печальный мой,
Раз навсегда пришла пора избавить мир от войн.

2. I left the school at 12 years and I went to find a job.
With growing kids my ma was glad of the extra couple of bob.
Now I know that longer schooling wold have stood me in great stead.
But you can't afford refinement when you are struggling for your bread.

3. And when the Great War came along I didn't hesitate —
I took the royal shilling and went off to do my bit.
I fought in mud and tears and blood 3 years on there about.
Then I caught some gas in flanders and invalided out.

4. Now in 26 the General strike left me out on the street.
Though I'd a wife and kids by them and their needs I had to meet,
But a brand new world was coming with brotherhood of man,
When I struggle it was over we were back where we began.

5. So I wandered through the Thirties out of work now and again.
I saw the black shirts marching and the things they did in Spain.
Now I brought my kids up decent and I taught them wrong form right
But Hitler was the man who came and taught them how to fight.

6. My daughter was a land girl she got married to a Yank.
My eldest son received a gong for stopping Rommel's junks.
He got some shrapnel in the side and convalesced in Rome.
Got married to an Eightie Nurse never bothered to came home.

7. My daughter writes me once a month a cheery little note.
About the coloured Tellie and those other things she's got.
She has a boy a likely bad and he's nearly twenty one.
She tells me that he's been called up to fight in Vietnam.

8. I'm living on the pension now and it doesn't go to far,
For a life that always seems to be like one long bloody war.
When I think of how it might have been it makes you want to cry.
I don't know how we'll change things but by Christ we've got to try.

Индекс 70781
Цена 20 коп.